

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ  
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ  
Кафедра русского языка**

**БУБЕН**  
Анна Вячеславовна

**АСПЕКТУАЛЬНО-ВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА  
ДЕЙСТВИЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ  
(НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ Л.Н. ТОЛСТОГО К А.А. ФЕТУ)**

Дипломная работа

Научный руководитель:  
доктор филологических наук,  
профессор Волынец Татьяна  
Николаевна

Допущена к защите

« \_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2022 г.

Зав. кафедрой русского языка

доктор филологических наук, профессор И.С. Ровдо

Минск, 2022 год

## СОДЕРЖАНИЕ

|   |    |
|---|----|
| РЕФЕРАТ .....   | 3  |
| РЭФЕРАТ .....   | 5  |
| ABSTRACT .....  | 7  |
| ВВЕДЕНИЕ .....  | 8  |
| ГЛАВА 1. О ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА В ЭПИСТОЛЯРИИ ПИСАТЕЛЯ<br>(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ).....   | 12 |
| ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ:<br>ПРОСТРАНСТВО ВТОРИЧНОГО ДЕЙКСИСА. ВРЕМЕННАЯ<br>ЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ/НЕЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ.....                    | 18 |
| 2.1 Нарративный режим интерпретации (нарративный дейксис) .....   | 18 |
| 2.2 Художественный и эпистолярный универсумы .....  | 20 |
| 2.3 Временная локализованность/нелокализованность .....   | 22 |
| ГЛАВА 3. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В АВТОРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ<br>ПИСЬМЕ .....   | 27 |
| 3.1 Взаимосвязь темпоральности, аспектуальности и Л/НЛ. Специфика<br>временных форм в авторском литературном письме.....                                    | 27 |
| 3.2 Семантика субъекта и ее взаимосвязь с категорией Л/НЛ.<br>Квалитативность НЛ.....   | 30 |
| 3.3 Автобиографический текст и авторское литературное<br>письмо:пространственно-временной континуум (на материале повести<br>«Детство» Л.Н. Толстого) ..... | 34 |
| 3.4 Грамматическое время повествователя-героя и адресанта.....  | 42 |
| ГЛАВА 4. КАТЕГОРИЯ Л/НЛ В АВТОРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ<br>ПИСЬМЕ .....  | 46 |
| 4.1 Специфика временной локализованности в авторском литературном<br>письме (общие замечания) .....   | 46 |
| 4.2 Временная нелокализованность. Ситуация неограниченной<br>повторяемости .....  | 49 |
| 4.3 Ситуации обобщенности.....  | 52 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....  | 55 |
| СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ .....  | 58 |

## РЕФЕРАТ

**Структура работы.** Дипломная работа состоит из введения, 4 глав, заключения и списка использованной литературы.

**Объем работы** – 56 страниц.

**Ключевые слова:** АВТОРСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПИСЬМО, ЭПИСТОЛЯРИЙ ПИСАТЕЛЯ, АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ, ЧАСТНЫЕ ВИДОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ, ВРЕМЕННАЯ ЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ, ВРЕМЕННАЯ НЕЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ, НАРРАТИВ, СУБЪЕКТ.

**Объект исследования** – авторские литературные письма Л.Н. Толстого кд А.А. Фета.

**Предмет исследования** – языковые формы выражения темпоральности, аспектуальности и категории временной локализованности/нелокализованности действия.

**Цель исследования** – выявить особенности аспектуально-темпоральной характеристики действия в эпистолярном тексте как возможной составляющей лингвистической интерпретации жанра авторского литературного письма.

**Методы исследования:** общенаучные методы (наблюдение, сопоставление, анализ, синтез); направленная выборка языкового материала, аналитическое описание, метод контекстуального анализа, оппозиционный метод.

**Научная новизна полученных результатов:** впервые дается аспектуально-темпоральная характеристика действия в авторском литературном письме; предлагается языковое основание уровневого деления информации в исследуемом жанре на бытовую и эстетизированную; определены особенности реализации категории времени, вида и локализованности/нелокализованности в условиях дейктических проекций эпистолярного текста; выделены собственно языковые жанровые доминанты авторского литературного письма.

**Результаты исследования:** предложена модель описания действия в эпистолярном тексте в соответствии с ФСП временной локализованности/нелокализованности; выделены и описаны регулярные соответствия грамматических категорий времени, вида, временной локализованности и нелокализованности в зависимости от характера сообщаемой информации; определена семантика субъекта в ситуациях временной нелокализованности действия; выявлены условия переключения режима интерпретации; обнаружено общее для автобиографических произведений и писем использование языковых категорий (стратегии нарратива); конкретизированы жанровые черты авторского литературного письма.

**Область применения:** результаты исследования могут быть применены в разработке теории жанра авторского литературного письма, а также осмыслены как модель лингвистического анализа окололитературных фактов. Материалы могут быть включены в практику преподавания курсов «Теория речевых жанров», «Стилистика», «Морфология» на филологических факультетах вузов Республики Беларусь.

## РЭФЕРАТ

**Структура работы.** Дыпломная работа складаецца з уводзінаў, 4 глаў, заключэння і спісу выкарыстанай літаратуры.

**Аб'ём работы** – 56 старонак.

**Ключавыя словы:** АЎТАРСКАЕ ЛІТАРАТУРНАЕ ПІСЬМО, ЭПІСТАЛЯРЫЙ ПІСЬМЕННІКА, АСПЕКТУАЛЬНАСЦЬ, ПРЫВАТНЫЯ ЗНАЧЭННІ ТРЫВАННЯ, ЧАСАВАЯ ЛАКАЛІЗАВАНАСЦЬ, ЧАСАВАЯ НЕЛАКАЛІЗАВАНАСЦЬ, НАРАТЫЎ, СУБ'ЕКТ.

**Аб'ект даследавання** – аўтарскія літаратурныя пісьмы Л.М. Талстога і А.А. Фета.

**Прадмет даследавання** – моўныя формы выражэння тэмпаральнасці, аспектуальнасці і катэгорыі часавай лакалізаваўнасці/нелакалізаваўнасці дзеяння.

**Мэта даследавання** – выявіць асаблівасці аспектуальна-тэмпаральнай характарыстыкі дзеяння ў эпістальярным тэксце як магчымага складніка лінгвістычнай інтэрпрэтацыі жанру аўтарскага літаратурнага пісьма.

**Метадалогія даследавання:** агульнанавуковыя метады (назіранне, супастаўленне, аналіз, сінтэз); накіраваная выбарка моўнага матэрыялу, аналітычнае апісанне, метады кантэкстуальнага аналізу, апазіцыйны метады.

**Навуковая навізна атрыманых вынікаў:** упершыню даецца аспектуальна-тэмпаральная характарыстыка дзеяння ў аўтарскім літаратурным лісце; прапануецца моўная падстава узроўневага дзялення інфармацыі ў жанры, што даследуецца, на бытавую і эстэтызаваную; вызначаны асаблівасці рэалізацыі катэгорыі часу, трывання і лакалізаваўнасці/нелакалізаваўнасці ва ўмовах дэйктычных праекцый эпістальярнага тэксту; вылучаны ўласна моўныя жанравыя дамінанты аўтарскага літаратурнага ліста.

**Вынікі даследавання:** прапанавана мадэль апісання дзеяння ў эпістальярным тэксце ў адпаведнасці з ФСП часавай лакалізаваўнасці/ нелакалізаваўнасці; выдзелены і апісаны рэгулярныя адпаведнасці граматычных катэгорый часу, трывання, часавай лакалізаваўнасці і нелакалізаваўнасці ў залежнасці ад характару паведамляемай інфармацыі; вызначана семантыка суб'екта ў сітуацыях часавай нелакалізаваўнасці дзеяння; выяўлены ўмовы пераклучэння рэжыму інтэрпрэтацыі; выяўлена агульнае для аўтабіяграфічных твораў і лістоў выкарыстанне моўных катэгорый (стратэгіі наратыву); канкрэтызаваны жанравыя рысы аўтарскага літаратурнага ліста.

**Галіна прымянення:** вынікі даследавання могуць быць выкарыстаны ў распрацоўцы тэорыі жанру аўтарскага літаратурнага пісьма, а таксама асэнсаваны як мадэль лінгвістычнага аналізу калялітаратурных фактаў.

Матэрыялы могуць быць уключаны ў практыку выкладання курсаў «Тэорыя маўленчых жанраў», «Стылістыка», «Марфалогія» на філалагічных факультэтах ВНУ Рэспублікі Беларусь.

## ABSTRACT

**Research work structure.** The thesis work consists of 4 chapters, a conclusion and a bibliography.

**The amount of the work** – 56 pages.

**Key words:** AUTHOR'S LITERARY LETTER, WRITER'S EPOSTOLARY, ASPECTUALITY, SPECIFIC MEANINGS, TEMPORAL LOCALIZATION, TEMPORAL NON-LOCALIZATION, NARRATIVE, SUBJECT.

**The object of the work** – L. N. Tolstoy and A. A. Fet's literary letters.

**The subject of the work** – the linguistic forms of the actions' expression of temporality, aspectuality and the category of temporal localization/non-localization.

**Purpose** – to identify the features of the aspectual-temporal action characteristics in the epistolary text as a possible component of linguistic interpretation of the author's literary letter genre.

**Methods:** general scientific methods (observation, comparison, analysis, synthesis); directed linguistic material selection, analytical description, contextual analysis method, opposition method.

**Scientific novelty of the findings:** the aspectual-temporal action characteristics in the author's literary letter is provided for the first time; the linguistic basis of the level information division in the genre under study into everyday and aestheticized ones is suggested; the characteristics of the time, aspect and localization/non-localization categories realization under deictic projection of the epistolary text are determined; the linguistic genre dominants of the author's literary writing are highlighted.

**The results of the work:** the model of action description in the epistolary text according to the semantic field of temporal localization/non-localization is suggested; the regular grammatical categories correspondence of time, aspect and temporal localization and non-localization are highlighted and described according to the reported information nature; the subject semantics in action temporal non-localization situations is defined; the conditions of the interpretation mode switching are unraveled; the common usage of linguistic categories (narrative's strategies) for autobiographical works and letters is detected; the author's literary letter genre features are specified.

**Practical implications:** the research results may be applied in the author's literary letter genre elaboration as well as comprehended as the close to literature facts linguistic analysis model. The materials may be included in teaching practice of the courses "Genre act theory", "Stylistics", "Morphology" at the philological faculties of the Belarusian universities.

## ВВЕДЕНИЕ

*Настоящие мои письма к вам — это мой роман,  
которого я очень много написал.*

Л.Н. Толстой в письме к А.А. Фету, 1866 г.

*Au nom du ciel sauvez les lettres!  
Во имя неба, берегите письма! (фр.)*

Мария Лазич

Появление эпистолярного текста в лингвистической парадигме произошло сравнительно недавно – в конце XX в. Изучение как русской, так и зарубежной эпистолярной традиций ведется по направлениям стилистического анализа, разговорной речи, проблемы существования ее письменной формы, теории речевых актов, теории речевых жанров. Онтология частного письма, его референтность к действительному миру обусловили действие коммуникативно-прагматического подхода, в большой мере учитывающего экстралингвистические факторы. Изменялись походы к анализу частного письма, изменялись и категориальные определения: от жанра – к гипержанру, от стиля – к неопределенному дискурсу.

Классификации писем, их жанровое определение и концепции испытывают действие нехарактерного для научного сообщества фактора: крайнего субъективизма, отсутствия преемственности. Смежные с историей литературы и литературоведением явления чаще, чем другие эпистолярные тексты, становятся объектом лингвистического исследования. Подобный анализ подвергается риску, как заметила Н.А. Сребрянская, соскользнуть не только в литературоведение, но и в прагматику. Так случилось с жанровой теорией *авторского литературного письма*, являющегося **объектом** настоящего исследования.

Выделение авторского литературного письма из всего массива эпистолярных текстов требует развития жанровой теории с опорой на языковые явления, формулирования четких дифференциальных признаков в контексте последних исследований по данной проблематике.

Присутствие одних писем в собрании избранных сочинений писателя и отсутствие других в изданиях – знак и отсутствие знака – осознается нами как целенаправленная текстологическая выборка литературных и нелитературных писем соответственно. Ср. черновое письмо Л.Н. Толстого А.А. Фету от 10–15 октября 1880 года, включенное в «Избранные письма Льва Толстого 1880–1910» (Волгодонск, 2016 год).



Издательский принцип формулируется составителем В.С. Аньяновым в предисловии: «Сокращения делались в тех случаях, если в письмах встречалось содержание частно-бытового характера, не представляющее интереса для широкого круга читателей. Вместо пропущенного текста ставились скобки с многоточием [...]. Также были опущены обращения к адресатам и прощальные фразы, скобки с многоточием при этом не ставились» [2].

Выборка фрагментов мотивирована ориентацией составителя В.С. Аньянова на эстетизированную информацию, которая осознается им – и это следует из всей логики представленных писем – как информация, направленная на широкий круг читателей, представляющая историко-литературную и художественную ценность, раскрывающая основные положения философских идей писателя. Избегая жанровой дифференциации бытового и литературного (избранного) письма, составитель четко определил рамки выбранных писем и разделили их содержание на несколько уровней. Мы предполагаем, что граница жанровых образований внутри писательского эпистолярия может быть проведена на основании аспектуально-темпоральной характеристики действия в переписке. Упомянутое письмо Л.Н. Толстого к А.А. Фету будет проанализировано нами далее, однако сейчас заметим, что на 1477 слов приходится только 28 случаев употребления прошедшего времени. Настоящее время НСВ (в разных частных его значениях) определяет характер информации (её реальность/ирреальность, локализованность/нелокализованность во времени) в пространстве авторского литературного письма.

**Целью** данной работы является выявление особенностей аспектуально-темпоральной характеристики действия в эпистолярном тексте как возможной составляющей лингвистической интерпретации жанра авторского литературного письма.

**Задачи** исследования:

- проанализировать степень разработки жанровой концепции авторского литературного письма, а также те проблемы, которые препятствуют выделению авторского литературного письма из общего массива частных писем;
- рассмотреть пространственно-временную организацию художественного и эпистолярного универсумов;
- определить особенности нарратива (дейктических проекций) в эпистолярном тексте;
- рассмотреть категории художественного текста на примере автобиографических повестей Л.Н. Толстого, установить их связь с авторским литературным письмом;
- определить семантику субъекта в авторском литературном письме, последовательность ее выражения в сравнении с художественным текстом;

– выделить основные аспектуально-темпоральные характеристики действия в переписке Л.Н. Толстого и А.А. Фета.

Введение комплексного анализа языковых категорий и грамматических форм и их значений в настоящий научный дискурс расширит границы представления о принципах организации речевых жанров, что будет иметь большое значение для развития лингвистической парадигмы.

**Объект исследования:** авторские литературные письма Л.Н. Толстого и А.А. Фета; автобиографическая повесть Л.Н. Толстого «Детство».

**Предмет исследования:** языковые формы и специфика выражения темпоральности, аспектуальности и категории временной локализованности/нелокализованности действия.

**Материал** для анализа – переписка Л.Н. Толстого и А.А. Фета, насчитывающая сто пятьдесят одно письмо и прекратившаяся незадолго до смерти А.А. Фета, а также автобиографическая повесть Л.Н. Толстого «Детство».

Анализ языковых форм выражения темпоральности, аспектуальности и категории временной локализованности/нелокализованности, которые являются **предметом** нашего исследования, способен выявить механизмы художественного нарратива авторского литературного письма и определить новую жанровую доминанту. Грамматическое значение языковых форм, семантика дейктических проекций находятся в центре настоящего исследования. Описание эпистолярного текста с использованием коммуникативно-прагматического метода затруднительно и не приводит к ожидаемым результатам. Не отвергая достижений данного подхода, мы описываем наш языковой материал, в основном ориентируясь на методический аппарат лингвистики текста.

**Методы исследования:** направленная выборка языкового материала, аналитическое описание, метод контекстуального анализа, оппозиционный метод.

Дипломная работа состоит из введения, 4 глав, заключения, списка использованной литературы,

Описание темпорально-аспектуальных значений в переписке Л.Н. Толстого и А.А. Фета проводится нами с учетом содержания писем. Эпистолярный текст, представленный как эталонное авторское литературное письмо, отличается неоднородностью в степени генерализации информации. В рамках коммуникативно-прагматического подхода в частном письме можно выделить две части в зависимости от той функции, которую выполняет коммуникация.

Стремление адресанта передать главным образом информацию бытового типа, установить/поддержать контакт с адресатом соответствует жанру частного бытового письма. В случае передачи адресантом информации более

высокого эстетического уровня, а также ориентации на поэтическую функцию, повышенного внимания к используемым языковым средствам следует, на наш взгляд, относить эпистолярный текст к жанру авторского литературного письма.

Попытка подобного разделения содержания эпистолярного наследия в рамках конкретного письма проводится нами на основе реализации аспектуально-темпорального комплекса русского языка. При этом устанавливается связь временной локализованности/нелокализованности и семантики вида (аспектуальности), определяется частное значение видовых форм и общая роль языковых категорий в организации текста, претендующего на более высокий в сравнении с бытовым уровень эстетизации.

**Актуальность** данного исследования обеспечивается повышенным интересом к вопросам жанра и развитием жанровой теории в современной лингвистике, а также соответствием общему вектору ее движения от семантики к форме, т.е. традициям функциональной грамматики. Определение частных видовых значений, временной локализованности и нелокализованности действительных проекций проводится нами на основе описательного анализа, т.е. грамматическое значение устанавливается контекстом. Отметим, что граммеме не могут быть навязаны в контексте те значения, которые ей несвойственны.

Добавим, что частное письмо в настоящее время претерпевает видовые изменения, и трансформация жанра происходит такими ускоренными и усиленными темпами, что речь может идти уже о другом жанровом образовании – сообщении. В то время как авторское литературное письмо сохраняет традиционную форму, организацию, содержание. Возможно, это единственный реликт (кроме официально-делового письма), функционирование которого подвержено наименьшим изменениям и влиянию новых средств коммуникации.

Ожидается, что результаты исследования могут стать основой для дальнейшей разработки жанра в направлении языкового анализа и материалом опыта составления темпорально-аспектуальной характеристики действия. Установление языковых механизмов художественного нарратива в пространстве эпистолярного текста приблизит к оформлению нового жанрового образования – авторского литературного письма. Под этим термином мы понимаем элемент «переписки, изначально задуманной или позднее осмысленной как художественная или публицистическая проза, предполагающая широкий круг читателей» [14, с. 141].

## ГЛАВА 1. О ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА В ЭПИСТОЛЯРИИ ПИСАТЕЛЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Теория речевых жанров, как сравнительно новая область лингвистического знания, характеризуется разобщенностью в определении устойчивых жанровых форм. Описанные Т.В. Шмелевой [40] лексический и стилистический (с ориентацией на лексический отбор) подходы к проблеме речевых жанров, а также подход, признающий вслед за М.М. Бахтиным речевой жанр особой моделью высказывания, при всем их различии составляют суть коммуникативно-прагматического метода. Соотнесение компонентов анализа с внеязыковой действительностью становится определяющим при типологии речевых жанров. Особенности языкового выражения характерного для отдельного речевого жанра смыслового содержания, как правило, остаются вне сферы исследовательского интереса.

Наблюдение над языковой интерпретацией высказываний возможно при наличии корпуса текстов, объединенных на основе традиционных жанрообразующих критериев: тематического содержания, стиля, композиционного строения. Данное замечание подтверждается общей направленностью при изучении каждого из уровней языковой системы. Лингвистическая теория, так же как и иллюстративный материал, ее доказывающий, извлекаются из конкретных речевых актов, высказываний. Как отмечал М.М. Бахтин, «язык входит в жизнь через конкретные высказывания, через конкретные же высказывания и жизнь входит в язык» [5, с. 202].

Разработка теории речевых жанров, по нашим наблюдениям, движется от анализа концепции адресатов, прагматической целеустановки самого адресанта, композиционного строения жанра к рассмотрению языковых значений его содержания. Такой характер исследования соответствует принципам функциональной грамматики, что будет подробно рассмотрено нами далее.

Типология речевых жанров по признаку общности языкового выражения нам неизвестна, однако попытки классификации и номинации высказываний на основе лексико-семантических групп имен и глаголов речи проводились (М.Я. Гловинская, В.И. Герасимов и А. Безменова, Т.В. Шмелева). Примечательно, что системообразующим элементом в подобных исследованиях признавалось содержательное наполнение морфологических единиц без учета их языкового значения, поэтому «одним именем могли обозначаться несколько жанров или их разновидностей и, напротив, один жанр мог иметь ряд наименований» [40, с. 96]. Однако установление общелингвистической природы всех жанровых образований на основе общности только языкового значения также вызывает сомнения. Разнородность и изменчивость речевого жанра в каждом новом коммуникативном акте отличает его от конвенцио-

нальной языковой единицы. Общее направление движения теории речевых жанров признается нами закономерным и продуктивным, выдвигаемая идея анализа собственно грамматического языкового значения – следующий шаг в разработке теории жанра.

При этом языковое значение осознается нами не как предмет исследования типологии всей системы жанров, а как предмет исследования трансформации жанровых и гипержанровых образований. В условиях современной коммуникации как письменной, так и устной, установить границы изменения жанровых образований представляется невозможным, поэтому все чаще вместо терминов жанр и стиль употребляется термин дискурс. Переписка трактуется как дискурсивный гипержанр. Ср., например, из статьи О.П. Фесенко: «Эпистолярный дискурс – это речевое произведение, созданное и функционирующее с учетом определенной национально-временной эпистолярной традиции, имеющее письменную форму и реализующееся во всем многообразии его когнитивно-коммуникативных функций» [37, с. 136].

Дискурсивное восприятие жанра значительно упрощает представление о его модификации, степени влияния на смежные жанровые образования, его разрушение и переориентацию. Разная языковая интерпретация характерного для жанра смыслового содержания ведет к образованию новых элементов в жанровой системе.

Обращение к авторскому литературному письму, теоретическая концепция которого активно разрабатывается в рамках эпистолярного текста, позволяет проследить магистральные пути языкового анализа значения высказываний. Заметим, что писательский эпистолярный, авторское литературное письмо и писательское письмо нами понимаются как терминологические синонимы в значении «переписки, изначально задуманной или позднее осмысленной как художественная или публицистическая проза, предполагающая широкий круг читателей» [14, с. 141].

Обращаясь к теоретической концепции авторского литературного письма с целью его дальнейшей типологии и утверждения различий дефиниций терминов, отметим, что в настоящее время исследования русскоязычного писательского эпистолярного нередко обнаруживают отсутствие использования данного жанра. Например, Т.П. Акимова включает в частное письмо «семейные, частные деловые письма, дружескую и любовную переписку», а также «эпистолярное наследие известных деятелей искусства и культуры» [1, с. 4]. Анализ писем классиков русской литературы XIX–XX вв. проводится Т.П. Акимовой без выделения жанра писательского письма, что указывает на необходимость дифференциации жанровых особенностей писательского эпистолярного.

Ряд вопросов, поставленных в статье Н.В. Доминенко о спорных аспектах теории авторского литературного письма [14], среди которых необходимо выделить вопросы о хронотопе, принципах создания образа адресанта и адресата, о соотношении художественности и документальности, могут быть переосмыслены в ходе выявления специфики языкового выражения эпистолярного текста.

В то же время утверждать, что анализы подобного рода неизвестны исследовательской практике, было бы неверно. К характерным жанровым доминантам авторского литературного письма, согласно Н.В. Доминенко, должны быть отнесены: 1) концепция адресата; 2) четкая структурированность; 3) дейктическая проекция [14, с. 142]. Наше внимание привлекает последняя категория, непосредственно принадлежащая области языковой интерпретации высказываний.

Пространственная и временная организация текста признается Л. Морозовой специфической чертой авторского литературного письма вследствие соотнесения классической дейктической триады «Я–ЗДЕСЬ–СЕЙЧАС» с фактами внеязыковой действительности. Композиционные части приветствия, обращения и подписи содержат сведения о социальном статусе адресата и адресанта, участников переписки, что и выделяет, по мысли исследователя, авторское литературное письмо из корпуса других эпистолярных текстов. Приветствие, обращение и подпись, акцентированные Л. Морозовой, находятся на границе смены речевых субъектов. Это начало и завершение письма соответственно. Данные композиционные части в меньшей мере выражают творческую волю субъектов речи в силу своей структурной предопределенности, твердости формы. Стратегии речевой реализации языковых моделей не учитываются.

Спорным представляется утверждение предопределенности социальным статусом субъектов речи присутствия идиостиля на всех уровнях их речевой деятельности. Эпистолярный писателя проявляет себя, с одной стороны, как частное бытовое письмо, не отмеченное присутствием идиостиля, с другой – как собственно авторское литературное письмо, если в концепцию этого жанра включить установку адресанта на выражение индивидуального стиля в документальном пространстве.

Этапы присутствия в дефиниции жанра художественной составляющей репрезентируются нами следующим образом:

1) частное письмо писателя, не предназначенное для публикации и чтения третьими лицами;

2) частное письмо писателя, имеющее художественную или публицистическую ценность, не предполагающее чтение третьими лицами;

3) эстетизированное писательское письмо, предполагающее полиадресата при формальной обращенности к конкретному субъекту речи;

4) литературное письмо, задуманное как художественный или публицистический факт и функционирующее в составе более сложных жанровых образований.

Значения дейктической проекции рассматриваются преимущественно с позиции частого для теории жанров анализа образов адресата и адресанта (оппозиция «Я–НЕ Я»). Их принадлежность к определенному социальному слою, культурной группе определяет границы таких жанровых образований, как личное бытовое письмо, не предназначенное для публикации и не имеющее художественной ценности, и авторское литературное письмо. Культурно-историческое значение жанра Л. Морозова напрямую определяет социальным статусом участников общения, что подтверждает и дефиниция жанра, предложенная исследователем: «<...> имеет культурно-историческое значение в том случае, если корреспондентами являются выдающиеся писатели, исторические личности или общественные деятели» [22, с. 146].

Установка на социальный аспект понимания дейктической триады противоречит внутренней форме самого жанра. Так, переписка писателей нередко обнаруживает документальность и формальность делового письма, а частное писательское письмо, обращенное к узкому семейному кругу, использует художественные нарративные стратегии.

Как замечает М.М. Бахтин, интимные и даже фамильярные жанры «ощущают своего адресата в большей или меньшей степени вне рамок социальной иерархии и общественных условностей, так сказать, «без чинов»» [5, с. 202]. Ср. опыт жанровой рефлексии в письме А.А. Фета Л.Н. Толстому от 31 марта 1878 г.: «...Я все боюсь за неумение высказать, что нужно. Но с Вами и это не страшно. Вы читаете между строками. Очевидно, читая Ваши письма, я не помышляю о Льве Толстом, но надо быть слепым, чтобы не поражаться ударами великого писателя. Таких приемов нельзя».

Значит, дейктические экстралингвистические факторы не предопределяют эпистолярный текст в той мере, чтобы считать их жанровыми доминантами эпистолярия писателя. В зависимости от того, осознают ли участники переписки себя языковыми личностями, осуществляющими переход от информативного уровня к уровню художественного обобщения, происходит выбор определенных грамматических форм, формирующих жанр. Включение всех текстов, принадлежащих корреспондентам определенного социального статуса, размывает границы жанра и выводит писательский эпистолярный в сферу дискурса.

Л. Морозова также обращает внимание на несовпадение рамочного и сюжетного пространственно-временного планов. Координаты хронотопа

ориентируются прежде всего на фигуру адресанта, поэтому совпадение точек отсчета времени и пространства для участников переписки в ситуации опосредованного общения не наблюдается. Однако подобная нарративная стратегия свойственна всему корпусу эпистолярных текстов, и определение специфики авторского литературного письма на этом основании также не представляется возможным.

Обзорное изложение теории писательского эпистолярия позволяет сделать вывод о конденсации различных точек зрения вокруг понятия смыслового содержания жанра, соотнесение его с ситуацией и фоновыми знаниями адресата и адресанта. При этом речевой смысл, одно из понятий функциональной грамматики, предполагающее ту содержательную информацию, которая была не только заложена в речевом акте, но и получена адресатом, не учитывается. В сборниках полных собраний сочинений, в составе которых значительное место занимает писательский эпистолярий, присутствуют письма вне контекста им предшествующих и последующих ответов на них. Это сообщает авторскому литературному письму фрагментарность, самостоятельность художественного функционирования, что обуславливает в свою очередь сам термин, содержащий определение «литературный».

Указав на несовпадение временных и пространственных точек отсчета, Л. Морозова внесла значительный вклад в разработку теоретической базы жанровой концепции. Так, стало возможно утверждение вторичного дейксиса, т.е. вторичной коммуникативной ситуации, в пространстве авторского литературного письма. Ю.Д. Апресян замечает, что вторичный дейксис возникает в ситуации любого опосредованного общения, где возникает потребность в пересказе. Соответствие вторичной коммуникативной ситуации вторичному жанру в понимании М.М. Бахтина не может быть установлено в силу необязательной высоко культурной организации первой категории.

Тем не менее, интуитивная жанровая рефлексия подсказывает осознание носителями языка исключительности подобной нарративной стратегии в сфере художественного текста. Для жанра авторского письма важно, что писатель, используя тот же нарратив пересказа, описания, что и в литературном произведении, выбирает грамматические средства, которые характерны для реализации художественной стратегии в его литературной деятельности.

В то же время в собрании сочинений можно найти письма исключительно с информационной составляющей. Например, письмо А.П. Чехова А. И. Куприну от 22 января 1902 г. не содержит художественной нарративной стратегии, однако по упомянутым выше жанровым доминантам писательского эпистолярия такое письмо, несмотря на низкий уровень эстетической организации материала, Н.В. Доминенко определяет как авторское литературное письмо.



В диссертации Н.А. Ковалевой «Русское частное письмо XIX в. Коммуникация. Жанр. Речевая структура» выделяется дружеское письмо и его подвиды: дружески-деловое и литературно-дружеское. Формулирование определений, как и сама классификация, обнаруживают внутреннюю противоречивость: в рамках дискурса объединяются стилевые образования, тогда как дискурс при всей многозначности толкования этого термина объединяет жанры и поджанры.

Теория жанра писательского эпистолярного жанра не завершена, а жанровые доминанты не обладают универсальностью и однозначностью. По нашему мнению, разные дефиниции самого термина обусловлены неопределенной позицией писательского эпистолярного жанра между художественной и документальной сферами, первичными и вторичными жанрами. Эстетизация эпистолярного текста не является жанровой особенностью ввиду неустановленности ее природы в контексте документальной формы.

## ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ: ПРОСТРАНСТВО ВТОРИЧНОГО ДЕЙКСИСА. ВРЕМЕННАЯ ЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ/НЕЛОКАЛИЗОВАННОСТЬ.

### 2.1 Нарративный режим интерпретации (нарративный дейксис)

Логичным следствием из ряда положений о «вторичном жанре» (М.М. Бахтин), «вторичном дейксисе» (Ю.Д. Апресян), «вторичной знаковой системе» (М.Ю. Лотман) является утверждение в пространстве эпистолярного текста (в авторском литературном письме в частности) нарративного режима интерпретации. Е.В. Падучева, описывая видо-временные отношения и значения видов, дает следующее определение нарративной стратегии: «Нарративный режим (эпический стиль) характеризуется тем, что отношение текста к речевой ситуации, а следовательно, и к моменту речи для него не существует» [23, с. 206]. Отсутствие прямой соотнесенности с моментом речи обусловлено тем, что ситуация вторичного дейксиса рассматривается Е.В. Падучевой как неканоническая ситуация общения, где позиции говорящего и слушающего соответствуют позициям повествователя и читателя.

Синонимичным термину Е. Падучевой *нарративный режим интерпретации* выступает упомянутое ранее понятие о *вторичном, или нарративном, дейксисе (проекции)*, свойственном всякому тексту, где возникает ситуация пересказа, в том числе тексту художественному. Так, Н.А. Сребрянская к компонентам нарративной проекции относит [33, с. 18]:

- 1) указание на лицо, пространство и время;
- 2) наличие точки отчета (центр координации);
- 3) присутствие наблюдателя, его позиция в пространстве и времени с учетом оппозиции «близко–далеко».

Определение режима интерпретации текста предшествует последующим этапам его анализа с привлечением дейктических категорий, так как первый шаг определяет качество второго: разграничиваются первичный и вторичный дейксис, каноническая ситуация общения и неканоническая. В исследовании М.И. Виолиной «для адекватной интерпретации дейктиков времени» предлагается также различать понятия речевого и нарративного, полностью соответствующие категориям канонического /неканонического общения [11, с. 21].

В контексте теории речевых жанров данное положение приобретает характер проблемы. Как нами уже было сказано, всякий жанр, вслед за М.М. Бахтиным, признается речевым, так как является следствием суждения о высказывании как о явлении, принадлежащей исключительно речевой сфере.

Омонимия понятий «речевой» (как жанр) и «речевой» (не нарративный) приводит к смешению временных категорий дейксиса, нивелированию текстообразующей функции языковых категорий. Определить режим интерпретации (речевой/нарративный) значит определить плоскость, в которой будут интерпретированы языковые единицы и их значения.

Материалом для анализа вторичного дейксиса в превалирующей части исследований выступает художественный текст (см. исследования Н.А. Сребрянской, О.Г. Мельник, М.И. Виолина и др.). Эпистолярный текст, как текст, имеющий те же дейктические проекции, при этом игнорируется. На наш взгляд, причиной этого является неопределенность эпистолярного текста, о которой шла речь ранее: выделение тех же дейктических проекций и обнаружение всех составляющих в разной степени их эксплицитности в частном письме означало бы неопределенность понятия художественности (литературности).

На современном этапе художественный текст понимается исследователями, проводящими его анализ с дейктических позиций, как текст, принадлежащий художественному стилю/жанру/дискурсу. Отсутствие общепринятой в научном сообществе точки зрения на соотношение стиля и жанра препятствует преемственности исследований и развитию единой теории жанра и его категорий. Однако единая линия может быть обнаружена в работах основателей теории речевых актов в русскоязычном научном сообществе, а ее логическое развитие и продолжение – в работах ведущих исследователей этого направления.

Так, художественный текст классифицируется Н.А. Сребрянской как жанровая разновидность текста в контексте парадигматики и синтагматики М.Ю. Лотмана, для которого понятия художественного образа и хронотопа предшествовали понятию жанра. Н.А. Сребрянская рассматривает художественный текст как текст, для которого дейксис нарратива универсален и противопоставлен прагматике реального мира. Сам текст при этом воспринимается как языковая единица. В.И. Шаховской замечает: «Он [художественный текст – прим. наше] всегда основан на творчестве, в нем заключена душа творца» [33, с. 3]. Исследователем подчеркивается связь прагматики и нарратива, благодаря чему функционирование дейктических категорий (главным образом, временного дейксиса) в пространстве художественного текста не только возможно, но и необходимо.

Особенность нарративного режима интерпретации в художественном пространстве выявляется через выделение особых категорий, свойственных художественному тексту: интерпретируемость, адресат, автор, читатель, наблюдатель, персонаж, хронотоп, диалогичность, предполагающая приоритет прагматики, а не семантики в тексте, иллюзия/реальность и т.п.

Классификация речевых жанров М.М. Бахтина, не ориентированная на дейктические категории, также учитывает тип коммуникативной ситуации: «Вторичные (сложные) речевые жанры — романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п. — возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)» [5, с. 161], в то время как о первичных речевых сказано как о жанрах, «сложившихся в условиях непосредственного речевого общения» [5, с. 161]. Таким образом, на основании прежде всего экстралингвистических факторов (культурный уровень содержащейся информации) и устной/письменной традиции высказывания М.М. Бахтин разграничивает первичные (простые) и вторичные (сложные) жанры [5, с. 161], что соответствует в терминологии Ю.Д. Апресяна [3] простому и сложному (вторичному) дейксису. Терминологическое созвучие обнаруживается также при сравнении концепций М.М. Бахтина и А.К. Устина [35], который определял дейксис в художественном тексте как «культурогенный» (ср. с «культурным общением» М.М. Бахтина).

Примечание о том, что приведенная классификация не испытывает влияния функциональных стилей («это не функциональное различие»), освобождает художественный и эпистолярный текст от функциональных различий и сближает их в контексте вторичных (сложных) жанров. Выделенные принципы художественного текста и результаты установления Н.А. Сребрянской роли в их организации дейктических проекций могут быть приложены к эпистолярному тексту на основе общности нарративного дейксиса и жанровой вторичности, согласно М.М. Бахтину. Однако цель настоящей работы другая. В первую очередь, на наш взгляд, в пространстве эпистолярия должны быть найдены и доказаны последовательные реализации категорий нарративного дейксиса (пространство, лицо, время), и в особенности показана специфика временного дейксиса.

## **2.2 Художественный и эпистолярный универсумы**

Описание эпистолярного текста (как жанра, стиля или дискурса) невозможно без анализа его структуры и выявления специфики языковых единиц и их значений, функционирующих в тексте. Понятие дейксиса присутствует в исследованиях такого рода всегда: эксплицитно или имплицитно. Это обусловлено, во-первых, принадлежностью теории речевых жанров и производных от нее направлений в современном языкознании к коммуникативно-прагматической парадигме, через которую часто рассматривается и понятие дейксиса. Одним из преимуществ коммуникативно-прагматического подхода является двусторонняя направленность филологического анализа: с одной

стороны, учитывается собственно языковое содержание и значение функционирующих единиц, с другой – устанавливается связь с внеязыковыми факторами, определяющими как содержание, так и структурные параметры (рамочное устройство).

В то же время структурные элементы (заголовок, начало, членимость текста, цельность, пространственно-временная рамка), как и некоторые элементы содержания (хронотоп, общефилософские категории времени, человека, пространства), задаются дейктическими компонентами. В связи с этим понятие о дейксисе предопределяет результаты научного исследования и часто становится предпосылкой к анахроническому понятию о категориях времени и пространства в тексте.

Рассмотрения требует положение, выдвинутое в диссертационном исследовании «Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация, жанр, речевая структура» Н.А. Ковалевой. Объединяя в частное письмо такие его виды, как дружеское (литературно-дружеское и дружески-деловое), семейное, салонное, частно-деловое, Н.А. Ковалева развивает теорию частного письма в коммуникативно-прагматическом аспекте: «интенсивное развитие коммуникативной лингвистики на современном этапе обуславливает возрастающий интерес к исследованию разного типа речевых актов» [19]. Собственно языковой аспект связывается преимущественно со структурным параметром, или рамочным устройством. Под последним Н.А. Ковалева понимает пространственно-временную ориентацию (время и место написания письма), обращение к адресату и подпись адресанта, преамбулу и резюме. Убедительно доказывается референция языковых личностей как к объектам действительности, так и «к объектам, номинируемым автором письма». Универсум (объективная реальность), к сфере которого принадлежит частное письмо, характеризуется атрибутами пространства, времени и движения, и художественное письмо, как следует из работ Н.А. Ковалевой, привязки к универсуму не имеет. Ср. «Частное письмо обладает универсумом пространства и времени, в то время как литературное письмо – речевое художественное произведение, не имеющее референциальной привязки и, следовательно, универсума с его атрибутами» [19].

Утверждение отсутствия дейктических категорий, соотносимых с универсумом и его атрибутами, является следствием некорректного понимания дейксиса. На это обратила внимание Н.А. Сребрянская: «Все имеющиеся определения дейксиса отсылают к речевому акту, что может ввести в заблуждение и создать впечатление, что дейксис принадлежит только прагматике и в художественном тексте невозможен. Это определение, ограничивающее возможности дейксиса, лишь подтверждает то, что необходимы его исследования в тексте, в частности, в художественном» [33, с. 22].

Присутствие дейксиса в тексте не обуславливает принадлежность последнего к первичным/вторичным жанрам. Развитие теории дейксиса преодолевает прагматический аспект его восприятия, выделяются функции, виды дейксиса, усложняется представление о его компонентах. Несмотря на то что теряется «непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» [33, с. 102], объективный мир присутствует в тексте имплицитно в большей или меньшей степени. Он составляет категорию реальности художественного текста (даже в фантастическом мире), создает «эстетическую реальность» текста, как указывает Н.А. Сребрянская вслед за М.М. Бахтиным. Правдоподобность художественного мира во многом определяется плотностью дейктических указаний на лицо, время, место действия. Данное свойство дейксиса в пространстве художественного текста составляет суть «референциального статуса» текста, согласно А.Г. Баранову, который понимал под ним референцию текста к действительному и/или возможному миру, способ зацепить текст за мир [4, с. 149].

Наличие художественной интонациональности повествователя и достаточного уровня знаний для восприятия такого типа речи читающим переводит текст из универсума реального в область универсума нереального. Результатом данного наложения становится изменение основных параметров универсума – времени, пространства и движения, что и отражается в переходе от прагматики дейксиса к нарративному режиму интерпретации текста.

Замечания исследователей «пограничной литературы» эпистолярной и художественной прозы XVIII века поддерживают замечание об усложнении референции в авторском литературном письме (ср. Л. России: «"Литературность" писем Муравьева, однако, в основном расценивается отрицательно, как „неискренность" или „театральность"»). Добавим, что дружеские письма нередко становились искусственными (сложными) знаками в общей семиотической системе золотого мифа писателя и его литературной репутации в частности. В связи с этим проведение классификаций сложных жанровых образований и попытки разграничения жанров или объединение их в дискурсивные гипержанры или дискурсы представляются неэффективными ввиду недостаточности коммуникативно-деятельностного подхода без учета языковых значений употребляемых языковых форм.

### **2.3 Временная локализованность/нелокализованность**

Существование дейктических проекций в универсуме эпистолярного текста подтверждается прежде всего языковыми единицами и их значениями, организующими пространственно-временной дейксис. Языковая интерпретация временных и пространственных характеристик создаваемого универсума, а также типизация художественного текста частного письма имеет отноше-

ние к функционально-семантическому полю **временной локализованности/нелокализованности** (далее Л/НЛ).

Обращение к языковым фактам интерпретации письма обусловлено логикой лингвистического анализа, обязательной интенциональностью высказывания, «связью значений языковых с намерениями говорящего, с тем смыслом, который он хочет выразить и который он выражает» [7, с. 13]. Заслуживает внимания тот факт, что интенциональность наследует категории *Intentum*, выделенной Э. Кошмидером [6, с. 8]. Под *Intentum* им понимается намерение говорящего, в структуру которого исследователь включает временную и пространственную отнесенность (Л/НЛ). Именно Э. Кошмидером была выделена временная локализованность/нелокализованность действия [6, с. 8]. Описание этой категории в русском языкознании принадлежит А.В. Бондарко, оно представлено в рамках теории функциональной грамматики (см. «Функциональная грамматика. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис», 1987).

Смежность разделов, объединенных в одну книгу, символизирует их единство в аспектуально-темпоральном комплексе, характеризующем как языковую, так и философскую категорию времени. Категория временной локализованности/нелокализованности входит в сложный временной комплекс, и по этой причине может быть обнаружена в любом высказывании. Как замечает А.В. Бондарко, наличие Л/НЛ в высказывании как обязательного его элемента обусловлено также конкретностью/неконкретностью субъекта, объекта и предиката.

Понятия Л/НЛ интерпретируются нами традиционно в единстве их противопоставления, вслед за А.В. Бондарко мы рассматриваем их как:

1) «значение конкретности, определенности местоположения действия и ситуации в целом в однонаправленном течении времени, прикрепленности к какому-то одному моменту или периоду;

2) значение неконкретности, неопределенности (в указанном смысле), т.е. неограниченной повторяемости, обычности (узуальности) или временной обобщенности (вневременности, всевременности)» [7, с. 210].

Понятия Л и НЛ в функциональной грамматике выступают как синонимы к терминам конкретная ситуация (локализованная во времени) / неконкретная ситуация (повторяемая, вневременная, обычная), что отражает содержание семантики рассматриваемых категорий.

Определяя языковые средства реализации функционально-семантического поля Л/НЛ, необходимо подчеркнуть, что в системе русского языка отсутствуют специальные грамматические формы для выражения данных значений, тогда как в некоторых европейских языках наблюдается маркированность форм настоящего времени. Так, А.В. Бондарко отмечает анало-

гию с английским языком (Present Simple ‘настоящее простое’; прим.: *he sings* ‘он поет (вообще)’ и Present Continuous ‘настоящее длительное’; прим.: *he is singing* ‘он поет (в данный момент)’). Примеры похожей грамматической маркированности замечены нами в итальянском языке. Ср. Presente Indicativo (‘настоящий индикатив’; прим.: *Canto* ‘я пою (вообще)’; модель образования: основа инфинитива + личное окончание) и Presente Progressivo (‘настоящее длительное’, *Sto cantando* ‘я пою (в данный момент)’; модель образования: гл. *находиться, оставаться* в форме Pr.Ind. + герундий – ando).

Межъязыковые параллели Л/НЛ выявляют высокую степень продуктивности данной категории во временной системе английского и итальянского языков, где она находит формальную реализацию, и свидетельствуют о необходимости изучения языковых средств ее выражения в языках, где маркированность отсутствует и где, по мнению А.В. Бондарко, категории Л/НЛ могут быть определены как «скрытые категории» и отнесены к области «скрытой грамматики». Категории локализации и ориентации, выражаемые Л/НЛ соответственно, составляют суть понятия о дейксисе, поэтому языковая интерпретация ФСП Л/НЛ обширна.

Как замечает Н.А. Сребрянская, «шифтерная категория [*близко – неблизко*– прим. наше] является по преимуществу глагольной» [33, с. 40]. В свою очередь, центральным языковым выражением Л/НЛ в глаголе являются видо-временные значения глагола. Семантический потенциал совершенного и несовершенного видов (далее СВ и НСВ) глагола устанавливается через их связь с категорией временной локализованности/нелокализованности.

Нарративный режим интерпретации, возникающий в пространстве эпистолярного текста (авторского литературного письма), усложняет представление об аспектуальности и темпоральности действия: из ситуации канонической, где речь идет о реальном мире и существует означаемое знака, осуществляется переход в неканоническую ситуацию, означаемое не имеющее. На особенную природу грамматических значений вторичного дейксиса указывает Ю.Д. Апресян: «Для описания видо-временных значений глаголов <...> первичной системы временных понятий явно недостаточно» [3]. Установка на поиск вневременной семантики глагола, типичности и повторяемости видового значения упрощает представление о принципах организации художественного текста. Изучения требует функционирование конкретных значений глаголов, локализованных во времени, в контексте общей художественной установки.

Использование понятий функциональной грамматики обуславливает признание за выделенными А. Бондарко частными значениями совершенного и несовершенного видов статуса системообразующих в нашем исследовании. Отметим, что список видовых значений в языковой системе является откры-



тым, мы же придерживаемся классификаций, разработанных Е. Падучевой, А. Бондарко, И.Н. Смирновым.

Анализ аспектуально-темпоральной характеристики действия мы проводим с опорой на типологию ситуаций временной нелокализованности А.В. Бондарко. Им выделены следующие уровни НЛ, организованные в соответствии с возрастающей степенью генерализации [7, с. 217]:

1) Простая повторяемость – действие повторяется в рамках конкретной ситуации, НЛ ограничена отрезком времени;

2) Обычность (узуальность) – действие повторяется и выходит за рамки конкретного эпизода;

3) Временная обобщенность (вневременность, всевременность) – наивысшая степень генерализации ситуации; часто принимает вид сентенций, пословиц, суждений о постоянных закономерностях.

Дальнейшая разработка ситуаций, выражающих категорию Л/НЛ, изложена в диссертационной работе И.Н. Смирнова «Конкретность/обобщенность ситуации в семантике аспектуально-темпоральных категорий: на материале современного русского языка». Главное отличие современной концепции заключается в устранении категории Л/НЛ в случаях «временной обобщенности», или «полной обобщенности (вневременности)» по И.Н. Смирнову. В настоящем исследовании мы придерживаемся типологии ситуаций Л/НЛ и частных значений СВ и НСВ, систематизированных И.Н. Смирновым [29]. Их презентация будет подробно представлена в практической части данной работы.

Семантика нелокализованности выражается в основном глаголами НСВ, однако нами не игнорируются формы СВ, за которыми признается отсутствие локализации.

Принимая во внимание специфику идиостиля А.А. Фета (склонность к преимущественно безглагольному повествованию), который последовательно реализуется и в пространстве эпистолярного текста, мы рассматриваем также случаи проявления аспектуальной характеристики в безглагольных высказываниях. М.Я. Дымарский вводит в оборот понятие об «аспектуальном значении», замечая, что: «...в сходном смысле можно говорить и об аспектуальном ключе текста, так как аспектуальная категориальная ситуация, как правило, не замыкается рамками одного предложения, а формирует более широкий контекст» [15, с. 84].

Существующие в настоящее время исследования глагольного вида имеют тенденцию к движению от семантики (значения ситуации) к форме. И.Н. Смирнов, занимавшийся разработкой типологий ситуаций Л и НЛ, замечает: «Частные видовые значения русского глагола выявляются в 4 основных типах употребления, выражающих а) ситуации конкретного (единично-

го) действия, б) ситуации неконкретного (неединичного, повторяющегося) действия, в) ситуации постоянного действия и г) ситуации обобщенного факта» [29, с. 192].

Описание основных четырех категорий, находящихся в центре нашего исследования, в виде систематизации противопоставлений позволяет проследить пересекающиеся точки грамматических понятий:

1) дейксис = время высказывания/время описываемого действия/события/состояния;

2) вид = время описываемого действия/события/состояния/точка отсчета;

3) время = время высказывания/точка отсчета;

4) Л/НЛ = единичность/неединичность, конкретность/абстрактность.

### ГЛАВА 3. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В АВТОРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПИСЬМЕ

#### 3.1 Взаимосвязь темпоральности, аспектуальности и Л/НЛ. Специфика временных форм в авторском литературном письме

Сообщение о Л/НЛ действия строится на основании его «местоположения во времени», т.е. прикрепленности или неприкрепленности действия/состояния к определенному моменту или отрезку на временной оси. Доминирующая роль аспектологического анализа может быть обнаружена в большом количестве исследований по данному вопросу, основным результатом которых стало детальное описание взаимосвязи частных значений глагольного вида и категории Л/НЛ. В то же время специфика употребления временных форм также требует обстоятельного комментария. По выражению Г.А. Золотовой, композиция текста формируется «подвижной позицией образа автора во времени и пространстве по отношению к представляемому миру» [16, с. 284]. Антиномия говорящего и слушающего в случае вида решается в пользу слушающего, тогда как время текста ориентировано на говорящего. Мы предполагаем, что на этом основании Е.В. Падучева относит категорию вида ко вторичному дейксису, а время – к дейксису первичному.

Направление анализа видо-временных форм глагола от вида ко времени соответствует тенденциям нового периода изучения данных категорий в русском языкознании. Глава о категории времени в классическом труде В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» начинается с постановки проблемы: «В русской грамматике нового периода теория видов заслонила учение о временах глагола» [10, с. 439]. Отметим рефлексия А.А. Фета в письме к И.П. Борису от октября 1851 г. (точная дата не установлена) по поводу СВ глагола, выбранным адресантом: *«Ты говоришь о каком-то "дождался"; я, брат, ждал, ждал и теперь не жду, чего ждал. Я ждал женщины, которая поймет меня, и дождался ее. Она, сгорая, кричала: "Au nom du ciel sauvez les lettres!" (Во имя неба, берегите письма! (фр.)) и умерла со словами: он не виноват, а я. После этого говорить не стоит».*

Конкретно-фактическое значение СВ переходит, как нам представляется, в перфектную разновидность: установить, когда адресат А.А. Фет (его образ в письме) «дождался» сложно, однако результативность действия передается, и данное значение осознается участниками переписки. Возмущение А.А. Фета обусловлено импликацией, указывающей на наличие

результата ожидания, особого эмоционального/душевного состояния другого лица переписки. Однако момент речи и точка отсчета не совпадают, поэтому синхронность точки отсчета итоговому состоянию деактуализируется и нивелируется.

В ответном письме А.А. Фет меняет СВ на НСВ *«ждал, ждал и теперь не жду, чего ждал»*. Частное значение НСВ в данном случае определяется нами как общефактическое и континуальное (длительное) соответственно, допускается нейтральное значение НСВ для глагольной формы неактуально-длительного настоящего времени. Автор письма подчеркивает отсутствие предела глагола «ждать» в настоящем времени.

Подобные несоответствия и дезактуализация точки отсчета, времени действия и момента речи доказывают наш тезис о текстовом времени, отстранению от речевого режима интерпретации. Из-за невозможности преодолеть расстояние время в письме теряет свою актуальность и становится предметом перехода в художественный мир. Наша задача – описать закономерности корреляций семантики и грамматических форм, связь языкового значения и уровней представленной писателями информации.

При допущении нарративного режима интерпретации авторского литературного письма время высказывания нерелевантно: оно не одинаково, не едино для адресата и адресанта. Е.В. Падучева замечает: «...отношения текста к речевой ситуации, а следовательно, и к моменту речи не существует» [23, с. 374].

Следовательно, описать специфику употребления временных форм глагола в эпистолярном тексте – значит решить вопрос о соотношении дейксиса и грамматического значения глагольного вида. Первичные значения категорий (завершенность/длительность для вида и одновременность/разновременность, предшествование/следование для времени) под влиянием вторичного дейксиса осложняются и составляют суть новых контекстуальных значений. Дейктические проекции обуславливают ориентацию пишущего на читающего, что влияет на выбор как видовых, так и временных глагольных форм. Факт существования специального эпистолярного времени в языковой системе латинского языка – один из самых ярких свидетельств специфики темпоральности действия в письмах.

Ориентация на НЛ и художественную интенциональность адресата/адресанта диктует временную форму, находящуюся в фокусе нашего исследования, – настоящее время и сопровождающие ее случаи транспозиции временных планов.

Характеризуя понятие точки отсчета, Е.В. Падучева противопоставляет синхронную точку отсчета ретроспективной. Причем нарративному режиму

повествования, как замечает исследователь, соответствует синхронная точка отсчета: действие/событие в прошлом воспринимается как происходящее в момент речи, длящееся, длительное. Ретроспективная же точка отсчета направлена на установление самого факта протекания действия, его результат.

Нам представляется, что жанровая природа авторского литературного письма на уровне эстетизированной информации характеризуется теми же специфичными временными формами, что и **авторские отступления** (в форме несобственно-прямой речи) в художественном тексте, а также фрагменты **автобиографических произведений**, где образ повествователя становится различим за миром текста. Принимая разделение Г.А. Золотовой случаев употребления временных форм глагола на зависимое от точки отсчета времени и независимое от неё, мы проводим анализ разных фрагментов для установления общих закономерностей употребления времени и расположения действия на временной прямой или вне ее. Г.А. Золотова замечает: «*Употребление независимого от точки отсчета времени имеет место, когда другое действие, а не момент восприятия действия автором, принимается за точку отсчета*»[17, с. 368]. Это напрямую отсылает нас к понятиям речевого и нарративного режима интерпретации соответственно.

Так как единичность и конкретность действия, относящиеся к Л, в авторском литературном письме всегда грамматически оформлены относительно фигуры автора (повествователя), позиция которого и является точкой отсчета для этого действия, то мы ожидаем, что по ходу анализа подтвердятся следующие положения:

- 1) взаимосвязь «вневременных» форм с ситуациями НЛ (троичная система): повторяемость действия, типичность, вневременность, а также качественная характеристика предмета/лица;
- 2) абстрактность действия/состояния, отсутствие индивидуального времени во внесюжетных фрагментах;
- 3) обобщенность субъекта.

Уровень эстетизированной информации влечет за собой ситуации НЛ, языковая интерпретация которых выражается формами настоящего неактуального времени и НСВ и их частных видов, также настоящим-будущим временем СВ. При этом необходимо учитывать ядерные и периферийные средства отнесения действия/состояния к какому-либо временному плану. Заметим широкое использование в письмах Л.Н. Толстого такого периферийного элемента, как формы инфинитива, по своей грамматической природе близкого к субстантивным формам.

Взаимосвязь нарративных стратегий, выбранных в рамках жанра, грамматического выражения и процесса мышления отметил Жиль Делез: «И

выходит, что всякий раз, как мы оказываемся лицом к лицу с длительностью или же в некоей длительности, мы можем сделать вывод о существовании какого-то изменяющегося и где-то не замкнутого целого», – Жиль Делез [13, с. 49]. Писатель, который является автором как и художественного произведения, так и писем (причем влияние творчества на околитературные факты и их зависимость от творческих увлечений писателя отмечается в толстоведении), анализирует объекты реального мира в ситуации наблюдения и установления закономерностей между явлениями. Длительность и непрерывность самой природы жизни семантически интерпретируется языковыми формами, которые, с одной стороны, отображают процесс мышления и наблюдения, а с другой – выражают их результат как продукт философской/эстетической мысли.

Вывод о существовании – это результат предикации, утверждения существования субстанции в пространственно-временном континууме. Новое понятие входит в понятийный инструментарий нашей работы – субъектность.

### **3.2 Семантика субъекта и ее взаимосвязь с категорией Л/НЛ. Квалитативность НЛ**

ФСП субъектности, впервые описанное А.В. Бондарко, понимает под субъектом прежде всего «субстанцию, обладающую актуализированным признаком, т.е. определенным образом проявляющим себя по отношению к актуализированным ФСП модальности, темпоральности, персональности и временной локализованности» [32, с. 154]. Установлению взаимосвязи семантики субъекта посвящены работы последователей А.В. Бондарко, в частности упоминаемого нами ранее И.Н. Смирнова, установившего соответствие между уровнями Л/НЛ и обобщенности/неопределенности субъекта.

Если действие/состояние в тексте теряет привязку к конкретной точке на временной прямой и может быть описано как **узуальное**, то в соответствии с уровнями Л/НЛ можно выделить следующие типы ситуаций [32, с. 158].

– ситуации с конкретным расширенным субъектом: «расширение личного опыта до границ классов, групп и т.п.» [32, с. 158]. Примечательно, что актуализация личного опыта, его расширение до общечеловеческих границ некоторыми исследователями считается дифференциальной чертой нарратива.

– ситуации с обобщенным субъектом: 1) с учетом личного опыта говорящего; 2) без учета опыта.

Высшую степень абстрактности и обобщения – ситуации **вневременные** – обуславливают следующие факторы:

– качественное своеобразие субъекта: субъект – абстрактное понятие или природное вещество (в этом случае ситуация в целом характеризуется облигаторной квалитативностью);

– характеристика субъекта по его деятельности: действие обязательно для всех субъектов (субъект обозначает класс, субъект – общее имя, в результате возникает детерминированная квалитативность);

– отождествление признака с его носителем, при этом устанавливается корреляция естественного класса неестественному (это так называемая ситуация нерасчлененной квалитативности);

– распространение субъекта до неограниченного класса (все человечество в целом) создает внеременно потенциальные ситуации (регламентирующие поведение); таким ситуациям, как правило, свойственна качественность.

Субкатегоризация уровней НЛ по квалитативному признаку и установление семантики субъекта в каждой из ситуаций НЛ сопутствуют более точному определению самого ФСП НЛ и включает в формирование грамматического выражения ФСП НЛ все единицы аспектуально-темпорального комплекса. При семантической общности наблюдается грамматическое разнообразие в выражении НЛ, тем не менее писатель всегда ориентируется на сформировавшиеся, пусть и находящиеся в постоянном развитии, нарративные стратегии.

Сравните фрагменты из разножанровых произведений Л.Н. Толстого:

а) *Предполагается, что болезнь можно лечить и что есть такая наука и такие люди — доктора, и они знают. Не все, но самые лучшие знают. И вот ребенок болен, и надо попасть на этого, самого лучшего, того, который спасает, и тогда ребенок спасен: а не захватишь этого доктора или живешь не в том месте, где живет этот доктор, и ребенок погиб («Крейцера соната»).*

б) *И это отвечает на другой вопрос, что такое благо? Блага абсолютного нет во внешнем мире. Одно истинное благо есть наибольший свет разума, при котором человек может сделать наивернейший выбор. В совершенной темноте я изобью ноги и голову; при малом свете я хоть огражусь от беды, и найду, что мне нужно; при большом свете, я еще больше могу сделать того, что мне хорошо. И потому наибольший свет есть наибольшее благо (черновое письмо А.А. Фету от 10–15 октября 1880 г.).*

в) *Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотой лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно;*

*если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно («Детство»).*

Случайная выборка фрагментов обнаруживает общее место – установление закономерностей и причинно-следственных связей, законов вне времени. Выбранные морфологические средства отнесения действий к временной обобщенности интерпретируются нами как варианты перевода одной философской модели в разные жанры. Общая тенденция описываемого действия/состояния к временной обобщенности (типичности и вневременности), последнему уровню НЛ, прослеживается во всех фрагментах, однако грамматическое выражение предикативности разнообразно.

Так, во фрагменте (а) мы наблюдаем смену субъектов: *болезнь можно лечить* (качественное своеобразие субъекта, инфинитив, отвлеченный от времени, НСВ потенциальности), *самые лучшие знают* (характеристика субъекта по его деятельности, настоящее постоянное, абстрактное, НСВ потенциально-качественное), *ребенок болен* (конкретно расширенный субъект, настоящее неактуальное), *который спасает* (характеристика субъекта по его деятельности), *нехватишь, живешь* (субъективированная ситуация с обобщенным субъектом), *живет доктор* (конкретно расширенный субъект, настоящее неактуальное), *ребенок погиб* (конкретно расширенный субъект, прошедшее СВ с транспозицией в будущее время).

Употребление формы СВ прошедшего времени глагола в значении будущего времени создаёт необходимую экспрессивность художественного текста, сигнализирует о необратимости действия, достижении предела грамматической семантики СВ и смысла высказывания в целом – фиксирует прекращение существования субъекта.

Характерная для манеры письма Л.Н. Толстого условная, причинно-следственная семантика выражена только в последней части высказывания, однако весь смысл сообщаемого может быть помещен в рамки союза *если... ..то*.

Во втором примере (б) через грамматические формы, выражающие утверждение и отрицание, мы наблюдаем процесс поиска истины. Глагольная связка *есть* сопровождает дефиниции: *благо есть разумение, свет есть благо*, кроме того имплицитно присутствует в вопросе *что такое благо?* Глагол *быть*, бытийный по семе, в форме настоящего неактуального (постоянного) времени вступает в однородный ряд с периферийной формой временных отношений – инфинитивом. Интересно взаимодействие значения СВ с частным потенциальным значением инфинитива *сделать* и форм будущего времени СВ потенциального *изобью, огражусь, найду*. Градационный ряд заканчивается составной предикацией *могу сделать* (в



противовес альтернативной и входящей в однородный ряд с предшествующими формами *сделаю*). Синтетические формы глаголов СВ свидетельствуют об уверенности адресанта в факте свершения тех действий и событий, о которых он сообщает, что формирует во всем высказывании значение догмата, непреложной истины. Возникают условно-следственные отношения *если...то*, характерные для языковой личности Л.Н. Толстого. «Наблюдаемый пункт», в терминологии Г.А. Золотовой, помещается в точку, актуальную как для самого повествователя, так и читателя. В таком случае автор способен рождать истину на глазах у читателей, в настоящем времени, избегая при этом афоризации речи. Задавая вопрос *что такое благо?*, Л.Н. Толстой уже знает ответ и конечную точку рассуждений, однако в пространстве авторского литературного письма разворачивается путь к этой конечной точке как доказательство ее верности, истинности. В литературоведении по отношению к подобным случаям используется термин остранения.

Виктор Шкловский в статье «Искусство как прием» раскрывает суть термина: «Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием „остранения“ вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен» [39, с. 15]. Употребление сложных наименований типа *наибольший свет разумения* делает возможным построение высказывания на метафоре тьмы и света. НЛ вневременности определяет семантику субъекта: внеременно-потенциальная ситуация расширяет Я до общечеловеческого значения лица.

В третьем примере (в) условно-следственные отношения грамматически выражены союзами *если...то* с сохранением настоящего неактуального НСВ потенциального. Для усиления семантики следствия на синтаксическом уровне используется именное выражение сказуемого: *лицо прекрасно, оно обыкновенно, оно дурно*.

Общий темпоральный ключ настоящего времени не отменяет употребление глаголов других временных планов, однако тенденция очевидна: в случае философских рассуждений о явлениях, общих для всего человеческого рода или более узкого класса (интеллигенции, писателей), как мы увидим далее, формы настоящего времени приоритетны. Описанные морфологические средства отнесения действий к временной обобщенности интерпретируются нами как варианты перевода одной философской модели в разные жанры творчества.

При этом продолжительность действия не является первичной для значения настоящего времени в приведенных фрагментах из произведений

Л.Н. Толстого. На первый план выходит типичность, повторяемость действия. Неактуальное настоящее также может приобретать значение изобразительного настоящего в тех случаях, когда конкретная ситуация, не обладающая конкретной длительностью, расширяется (а). Действие развивается как бы на глазах у повествователя.

Семантика субъекта также выходит за рамки грамматической формы (единственного числа вместо множественного – а, в, обобщенное личное местоимение первого лица единственного числа – б).

Такова нарративная стратегия Л.Н. Толстого в ситуациях художественных/философских размышлений. Прием остранения на грамматическом уровне проявляется в установлении закономерности, связи причины и следствия.

В авторском литературном письме, как и в любом другом околотолстовском/литературном произведении, оказываются рядом разные стратегии нарратива. Прошедшее время как центральное нарративное время в русском языке широко представлено в авторском литературном письме. Оно считается основным в бытовой части письма (уровень бытовой информации включает рассказ о произошедших событиях, опыте, результате настоящих состояний) и сопровождающим в эстетизированной.

Общность лица, от которого ведется повествование в письме и в автобиографической повести при всех замечаниях о различии автора, повествователя и героя, заставляет нас обратиться к «Детству» Л.Н. Толстого. Сравнивая материалы писем и повести, мы обнаруживаем общие авторские стратегии Л.Н. Толстого. Особенно значимой в этом плане представляется задача – проследить за выражением и семантикой лица и действия, к нему относящемуся.

### **3.3 Автобиографический текст и авторское литературное письмо: пространственно-временной континуум (на материале повести «Детство» Л.Н. Толстого)**

Наблюдение за временным порядком, который исследуется в рамках теории функциональной грамматики и ФСП, приводит нас к понятию «впадения в нарратив», который Е.В. Падучева [23, с. 374] применила по отношению к смене прошедшего речевого и настоящего нарративного в лирике Б. Пастернака.

Впадение в нарратив – *«переход из речевого режима в нарративный»* [23, с. 374], т.е. из ситуации, где присутствует отношение видо-временных форм к моменту речи и точка отсчета характеризуется как ретроспективная к синхронной точке отсчета, где преобладает текстовое время. Настоящее

нарративное и прошедшее нарративное понимаются нами вслед за Е.В. Падучевой как временные планы, не имеющие связи с моментом речи, функционирующие в пространстве текста и ориентированные на текстовые категории [23, с. 364].

Вопрос о существовании нарративного режима интерпретации в авторском литературном письме ставится нами впервые, и нужно признать, что в рамках данного исследования соотнести речевой и нарративный режимы не представляется возможным. Это тема отдельного исследования, однако некоторые выводы на основе анализа временных форм нами уже сделаны. Вопрос о нарративе в свою очередь затрагивает проблему речевого режима, форм его выражения в авторском литературном письме.

Необходимо отметить, что речевой и нарративный режимы могут сосуществовать в пространстве одного текста, а термин «речевой режим» не принадлежит только области речевого общения. Речевой режим, и это видно из анализа Е.В. Падучевой, активно представлен в прозаическом художественном тексте, особенно в тех его жанрах, где повествование ведется от первого лица. Момент речи в интерпретации такого текста оказывается значимым, так как художественный эффект обеспечивается связью настоящего и прошедшего временных планов. Для Л.Н. Толстого использование данной нарративной стратегии (рассказ от первого лица о событиях прошлого) – типичный прием (например, автобиографическая трилогия «Детство. Отрочество. Юность»).

Е.В. Падучева замечает, что в случае употребления перволичной формы «прошедшее время участвует в создании некоей двойной временной перспективы» [23, с. 370]. Проблема установления нарратива (во всех временных планах) относится прежде всего к формам первого лица (ср. *Он идет долго* и *Я иду долго*). Интерпретация таких форм затруднительна в силу слияния в эпистолярном тексте автора и субъекта повествования при условии употребления форм настоящего актуально-длительного НСВ. Следовательно, в рамках настоящего исследования (в этой главе и далее) нашей задачей мы видим описание семантики субъекта, от имени которого и о котором ведется рассказ, и связь данной семантики с видо-временной формой глагола, относящегося к субъекту повествования.

От субъекта-повествователя, находящегося в пространстве текста, одновременно исходят две временные прямые – к прошлому и настоящему соответственно, причем перемещение субъекта-повествователя между ними не ограничено. В анализируемой автобиографической повести «Детство» Л.Н. Толстого и в письмах «наблюдательный пункт» рассказчика находится преимущественно в настоящем плане, относительно которого располагаются все события в тексте. С позиции пространственно-временного настоящего

автор-персонаж-повествователь повествует о событиях прошлого так, что ретроспективная точка отсчета читателю очевидна: фигура автора присутствует в тексте эксплицитно, на уровне грамматических форм (временные личные формы глагола).

Сравните фрагменты из первой главы повести «Детство» Л.Н. Толстого:

а) *В числе предметов, лежавших на полочке Карла Ивановича, был один, который больше всего мне его напоминает.*

б) *Как теперь вижу я перед собой длинную фигуру в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются редкие седые волосы.*

в) *Как мне памятен этот угол! Помню заслонку в печи, отдушник в этой заслонке и шум, который он производил, когда его поворачивали.*

Центральные глагольные формы, относящие действие/ситуацию/состояние, в примере а неоднородны как по выражаемому грамматическому значению, так и по характеру грамматических форм: причастие прошедшего времени неактуально-длительного НСВ *лежавших* сменяется глаголом прошедшего времени НСВ неактуально-длительного *был* и, наконец, глаголом в настоящем НСВ с неактуальным расширенным значением *напоминает*, постоянно-непрерывном. Неактуальное значение настоящего времени здесь и далее усиливает семантику качественной характеристики, а переход от прошедшего (я-прошлое) к настоящему автора сопровождается сменой референциальных субъектов: текстовый Карл Иванович уступает герою-рассказчику настоящего.

Портрет персонажа в автобиографической повести помещается автором во временной план настоящего времени (пример б). Сравните также описание матери в главе «Мама»: *Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какую она была в это время, мне представляются только ее карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее, немного ниже того места, где вьются маленькие волосики, шитый белый воротничок, нежная сухая рука, которая так часто меня ласкала и которую я так часто целовал; но общее выражение ускользает от меня.* Акт сотворения художественного образа перед глазами читателя лишает действие привязки к какой-либо точке на временной прямой и относит их за границу времени: мама всегда улыбается, волосы всегда вьются.

Узуальность действий передается глаголами настоящего НСВ неактуального абстрактного (обозначение типичного, обычного действия) *стараюсь вспомнить, ускользает*. Семантика глагольных форм первого лица обуславливает их отнесение к первому уровню НЛ неограниченной повторяемости – ситуации итеративного, не ограниченного контекстом одной

ситуации действий (по классификации И.Н. Смирнова). Субъект в данном случае принадлежит собственно однородному ряду последовательно повторяющегося действия, так как субъект единичен, а действие всегда переходит на один объект (*вспомнить мамушку*) или глагол является непереходным (*образ ускользает*).

Переход на качественно новый уровень НЛ действия обусловлен как сменой субъекта, так и общей семантикой высказывания. Детали описания *мамушки* теряют временное ограничение существования и становятся частью образа, впечатления, воспоминания. В автобиографической повести черты реального становятся областью художественного обобщения, что отображается на грамматическом уровне. По отношению к возникающей ситуации типичного действия (неполного обобщения) длинный ряд однородных именных подлежащих характеризуется как конкретный, не расширенный, подчеркнуто индивидуализированный. Общая доминанта именных частей речи, их смежность (*маленькие волосики, шитый белый воротничок, нежная сухая рука*), столь нехарактерная для телеграфного стиля автобиографического произведения Л.Н. Толстого, также переключает текст на типичность изображаемого, обеспечивает переход сообщения о действии в область сообщения о признаке, характеристике *мамушки* героя.

Сравните формы настоящего времени со смежным фрагментом, описывающим учителя Карла Ивановича через типичную ситуацию: *Бывало, покуда поправляет Карл Иваныч лист с диктовкой, выглянешь в ту сторону, видишь черную головку мамушки, чью-нибудь спину и смутно слышишь оттуда говор и смех; так сделается досадно, что нельзя там быть, и думаешь: «Когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидеть не за диалогами, а с теми, кого я люблю?» Досада перейдет в грусть, и, Бог знает отчего и о чем, так задумаешься, что и не слышишь, как Карл Иваныч сердится за ошибки.*

Происходит смена временных планов: настоящее нарративное подчеркнуто неактуально настоящему и будущему временам выделенных глаголов. Игра с текстом отображается на уровне выбора грамматических форм: значения настоящего времени глаголов варьируются от постоянного до нарративного, а видовой комплекс глаголов сосредоточен на реляционном и неограниченно-кратном значениях НСВ соответственно. Настоящее нарративное время, маркируемое как элемент разговорного стиля, не локализовано во времени: типичность (узуальность) действия поддерживается НСВ и нарративным режимом интерпретации. Включение форм будущего простого времени (настоящего-будущего) СВ с наглядно-примерным частным значением в нарратив не противоречит общей установке нарративного поворота.

Субъект (второе лицо единственное число) в ситуации НЛ неполной обобщенности характеризуется как конкретно расширенный. Субъективированная разновидность предполагает связь обобщаемого действия с личным опытом говорящего, что предопределяется контекстом (повествованием рассказчика-героя о событиях его детства).

Соединение личного опыта говорящего и типичности (неполной обобщенности) ситуации в авторском литературном письме также отображается на уровне выбора субъекта (формы второго лица единственного числа настоящего-будущего, или простого будущего, времени). Например, в письме к А.А. Фету и И.П. Борису от 24 октября 1859 г. встречаем: *Ведь как ни вертись, а верх мудрости и твердости для меня, это только радоваться чужою поэзией, а свою собственную не пускать в люди в уродливом наряде, а самому есть с хлебом насущным. А иногда так вдруг захочется быть великим человеком и так досадно, что до сих пор еще это не сделалось. Даже поскорей торопишься вставать или доедать обед, чтобы начинать. Всех так называемых глупостей не переговоришь, но приятно хоть одну сказать такому дяденьке, как вы.* Заметим, что расширение субъекта в данном фрагменте отлично от обобщения лица в автобиографической повести: в письме писателя писателю круг лиц, входящий в *ты*, ограничен, в то время как текст повести направлен на более широкий круг читателей.

При возвращении к нарративу характеристики, описания, составления портрета похожее употребление глагольных форм и общность темы находим в письме Л.Н. Толстого к П.М. Свободину от 5 марта 1887 года: *В моем представлении Аким русский, совсем не седой и не плешивый; волосы на голове даже могут немного виться, борода реденькая. Говорит с запинкой, и вдруг вырываются фразы, и опять запинка и "тае" и "значит". "Тае" я выговариваю "тае". Впрочем и "таё" возможно. Шамкать, мне кажется, не нужно. Ходит твердо; я представляю себе, вывернутыми ступнями в лаптях. Приемы – движения – истовые, только речи гладкой Бог не дал» и далее «...в 5-м действии он должен упираться, гнушаясь видом свадьбы, потом начать понимать, в чем дело, потом придти в восторг от поступка сына и до конца действия оберегать даже физически, – расставляя руки и забегая со стороны нарушителей, – оберегать совершающееся торжественно покаяние от вмешательства.*

Описание персонажа Акима из драматургического произведения «Власть тьмы» Л.Н. Толстого напоминает жанр драматургических ремарок, но тех ремарок, что адресованы непосредственно актерам и, оказываясь включенными в текст произведения, либо предваряют его, либо располагаются после завершения действия. Описанные действия не могут

сопровождать диалоги (как, например, описание 5 действия): будущее время глаголов сигнализирует несовпадение момента действия, момента авторской речи и момента сценического действия. Ристо Рёнкя, исследуя настоящее сценическое, замечает: «По-видимому, ситуация сценической ремарки не допускает значения будущего ни в одном славянском языке. В русском языке обязательное употребление формы НСВ в НСЦ начинается с конца XVIII в.» [26, с. 101].

Это значит, что перед нами пример перехода одной идеи, одного художественного образа из драматургического художественного в эпический околотитературный. Основанием для отнесения авторского письма к области литературы здесь является, во-первых, тематика и проблематика творчества, а во-вторых, не имеющие локализации во времени глагольные формы.

Приоритет настоящего и будущего в данном случае важен и как нейтрализация форм прошедшего времени. Заметим, однако, что существует зависимость грамматического времени в контексте общей нарративной стратегии от отношения говорящего/повествователя к изображаемому/описываемому. Если субъект матушки и ее описание возводятся автором на уровень обобщенности, сигнализирующей оторванность от конкретной точки, «грамматическое бессмертие», то субъект отца вызывает противоположные формы. В отдельной главе «Что за человек был мой отец?» повести «Детства» прошедшее время не может быть определено как нарративное: позиция повествователя в тексте обозначена, и все действия, субъектом которых является отец, отнесены к плану прошлого, не связанного с настоящим.

Глагол-связка в форме прошедшего времени *был* вынесена в название главы, а потому является индикатором приоритета точки отсчета повествователя, его наблюдательного пункта над моментом самого действия. Характеристическое значение действия поддерживается на протяжении всей трилогии, что выводит фигуру повествователя на первый план. Плоскость настоящего – воспоминания, чувства, отношение к изображаемому рассказчика – является центром художественного мира. Событийная составляющая пребывает на настоящем плане, и поэтому представляется нам вторичной. На грамматическом уровне наше замечание поддерживается приоритетом глаголов НСВ настоящего неактуального времени разных уровней НЛ над прошедшим временем СВ и НСВ – собственно сюжетным временем (в терминологии В.В. Виноградова).

Обращаясь к жанру авторского литературного письма, заметим, что составление портрета и характеристики субъекта расширяется в эпистолярном тексте до реального плана: взгляд направлен на реальных людей, их описание, которое является результатом опыта взаимодействия с

ними. Обусловленность круга общения адресата-писателя и адресанта-писателя устанавливает общий для них класс лиц, о которых идет речь в переписке. Обычно рамки этого класса определяются профессиональными читателями.

В анализируемой нами переписке Л.Н. Толстого и А.А. Фета фигурой, привлекающей внимание обеих сторон, чья характеристика стала фактом истории литературы, является И.С. Тургенев. События внелитературной жизни обусловили частое появление фигуры И.С. Тургенева в письмах Л.Н. Толстого и А.А. Фета, а передача восприятия И.С. Тургенева в пространстве переписки способствовала мифологизации писателя, приемы которой похожи на анализированную ранее характеристику персонажей.

Сравните: а) *Вот мое мнение: писать повести вообще напрасно, а еще более тем людям, которым грустно и которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни. [...] Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, как он с своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности, даже до приемов. Больше всего этой банальности в отрицательных приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет. Это как-то больно жюрирует с тоном и смыслом либерализма всего остального* (фрагмент из письма А.А. Фету от 17/29 октября 1860 г.).

б) *Тургенев — подлец, которого надобно бить, что я прошу вас передать ему так же аккуратно, как вы передаете мне его милые изречения, несмотря на мои неоднократные просьбы о нем не говорить* (письмо А.А. Фету от 1 декабря 1861 г.).

Представленные фрагмент и письмо в полном варианте продолжают ряд описаний/характеристик в ключе настоящего неактуального времени, однако во фрагменте а И.С. Тургенев представляется как писатель, чья манера повествования подвергается критике Л.Н. Толстого. В примере б предикация передает восприятие субъекта адресантом как человека с его личностными чертами и особенностями. НЛ действий/состояний в обоих высказываниях принимает вид неполной обобщенности, которая в свою очередь сообщает тексту описательно-качественную тональность. Установление отношения к субъекту, который в силу собственного наименования ограничен в расширении и обобщении, а потому остается конкретным по ходу всей референции, грамматически поддержано глаголами настоящего неактуального, абстрактного, постоянного, или, по выражению Г.А. Золотовой, описательного времени. Данные случаи временного употребления принадлежат, как заключает Г.А. Золотова, внесюжетным элементам.



Частота инфинитивных форм во фрагментах также значима: автор-повествователь намеренно отказывается от определения временных границ изображаемого через неопределенную форму глагола. Более того, в примере б инфинитив *бить* входит в модальную конструкцию *надобно бить* со значением необходимости/долженствования действия. Интерпретация НСВ глагола неоднозначна. Если адресант указывает только на сам факт осуществления действия вне зависимости от его длительности и однократности, то частное значение НСВ *бить* можно определить как обобщенно-фактическое. В то же время предикация в предложении осложняет восприятие субъекта: действие становится его признаком, неотъемлемой характеристикой, постоянным свойством. Действие и субъект связаны отношениями квалитативности. В этом случае НСВ понимается нами как реляционное, постоянно-непрерывное (пример И.Н. Смирнова *Волга впадает в Каспийское море* аналогично примеру из письма Л.Н. Толстого *Тургенев – подлец, которого надобно бить*).

Еще одна разновидность портретной характеристики в авторском литературном письме – представление об умерших ко времени написания письма писателях/мыслителях, их идеях, особенностях творчества. Референции из реального мира отсутствуют, и описываемый субъект отождествляется с миром его сочинений. Так, в переписке Л.Н. Толстого и А.А. Фета встречаются описания древнегреческих сочинений и западных мыслителей, русских культурных деятелей, врачей.

Сравните:

а) *Сколько я теперь уж могу судить, Гомер только изгажен нашими, взятыми с немецкого образца, переводами. Пошлое, по невольное сравнение — отварная и дистиллированная теплая вода и вода из ключа, ломающая зубы — с блеском и солнцем и даже со щепками и соринками, от которых она еще чище и свежее. Все эти Фосы и Жуковские поют каким-то медово-паточным, горловым подлым и подлизывающимся голосом, а тот черт и поет, и орет во всю грудь, и никогда ему в голову не приходило, что кто-нибудь его будет слушать ( письмо А.А. Фету от 1–6 января 1871 г.).*

б) *...Не знаю, переменю ли я когда мнение, но теперь я уверен, что Шопенгауэр гениальнейший из людей. Объяснение только одно, — то самое, которое он так часто повторяет, что, кроме идиотов, на свете почти никого нет ( письмо А.А. Фету от 30 августа 1869 г.).*

В данных контекстах отождествление мыслителя/писателя/культурного деятеля с его сочинениями в сравнении с описанной выше характеристикой И.С. Тургенева более близкое и полное. Экстралингвистическим фактором, влияющим на метонимический перенос, признается отсутствие личного

контакта с субъектом, о котором идет речь. Напомним, что передача личного опыта и его обобщение является предметом авторского литературного письма.

### **3.4 Грамматическое время повествователя-героя и адресанта**

Настоящее речевое время обозначает присутствие автора в тексте и маркирует его как создателя текста. Выбранная грамматическая форма в сочетании с Я-дейксисом создает эффект единства времени и места текстопорождения (автором) и текстовосприятия (читателем).

Заметим, что Е.В. Падучева [23, с. 372] отказывает автору-повествователю в возможности имитации текстопорождения и выражении чувств, которые он «как бы испытывает в данный момент». Это, замечает исследователь, прерогатива лирического героя. Такова видообразующая природа эпического текста, традиция его классификации. «В классической теории повествования основным признаком повествовательного произведения является присутствие посредника между автором и повествуемым миром» [41, с. 11], – писал В. Шмид. Данное разграничение автора и повествователя, однако, не должно приводить читателя и исследователя к отождествлению фигуры повествователя в автобиографическом тексте (как и в эпистолярном) и автора.

Тем не менее убедительным выглядит выдвигаемый нами тезис о том, что выбор грамматических единиц осуществляется как в пространстве авторского литературного письма, так и в пространстве автобиографических повестей, с ориентацией на первичную коммуникативную ситуацию. Однако в отличие от повестей персональный дейксис в эпистолярном тексте проявляется на уровне композиционных элементов и пронизывает весь текст, являясь координативным центром. В трилогии, частью которой является повесть «Детство», автор-рассказчик также представляется нулевой координатой пространственно-временного континуума, раздаиваясь на я-настоящее и я-прошедшее.

Возникает вопрос об определении основного, базового времени повествования – прошедшего времени. Иначе говоря, проблемное поле автобиографического текста, в котором позиция его создателя не скрыта и представлена глагольными формами первого лица, составляет соотношение прошедшего времени, описываемых событий и времени рассказчика. Описывая прошедшее нарративное, Е. Падучева в работе «Эгоцентрические единицы языка» проводит следующее сравнение: «...можно сказать, что это настоящее время повествователя или персонажа» [24, с. 162]. Этот тезис нуждается в дополнительных пояснениях относительно повести «Детство».

Настоящее речевое глагольных форм первого лица вступает в конфликт с прошедшим нарративным временем начала повести «Детство». Ср., *12-го августа 18..., ровно в третий день после дня моего рождения, в который мне минуло десять лет и в который я получил такие чудесные подарки, в семь часов утра Карл Иванович разбудил меня, ударив над самой моей головой хлопнушкой — из сахарной бумаги на палке — по мухе.*

Временной детерминант «12-го августа 18...» частично локализует повествование, а цепь-глаголов в прошедшем времени СВ с частным конкретно-фактическим значением передаёт последовательность действий. Важна интерпретация данных глаголов относительно текста (текстового времени) и отсутствие ориентации на момент речи (реальное время создания текста автором). Однако далее по тексту повести настоящее нарративное личных форм, как в примерах *а, б, в* на с. 31, изменяет режим интерпретации всего предыдущего текста: из нарративного режима текст вновь переходит в речевой. Смена режима интерпретации не только влияет на динамику текста, но и организует такой прием, как ирония.

Смена режимов интерпретации происходит в авторском литературном письме в более динамичных темпах: границы стираются, воспоминания, события прошлого напластовываются на настоящее и порождают размышления в духе авторских отступлений. Кроме собственно художественных произведений (ср. пример из «Крейцеровой сонаты» на с. 31), авторские отступления изобилуют в автобиографическом тексте Л.Н. Толстого.

Описание матери в повести заканчивается следующим фрагментом: *а) Если бы в тяжёлые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе. Мне кажется, что в одной улыбке **состоит** то, что **называют** красотой лица: если улыбка **прибавляет** прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не **изменяет** его, то оно обыкновенно; если она **портит** его, то оно дурно.*

Обязательна узуальность НСВ и настоящего неактуального времени для выражения обобщенности ситуации, отсутствия временных ограничений высказываемой мысли. Такая временная форма, характерная для афоризмов, устойчивых выражений, пословиц, поговорок, влияет на восприятие высказывания, заключенного в эту форму, как непреложной истины, достоверного, проверенного временем и народной мудростью сообщения. Гипнотическая сила настоящего неактуального НСВ активно используется в авторском литературном письме. Если попробовать локализовать описанное формоупотребление в авторском тексте, то частотность настоящего неактуального отмечается нами во внесюжетных элементах, о которых мы ранее писали. Это полностью соответствует тезису Г.А. Золотовой о том, что

«публицистические, газетные, научные, деловые тексты организуются преимущественно внесюжетными временами, формы сюжетных времен могут конструировать лишь отдельные вкрапления, фрагменты в их составе» [18, с. 334].

Иллюстрация «падения в нарратив» в авторском литературном письме ярче всего, на наш взгляд, представлена в письме Л.Н. Толстого А.А. Фету от 17/29 октября 1860 г., в котором граф описывает смерть брата Н.Н. Толстого. – См.: *До последней минуты он не отдавался ей, все сам делал, все старался заниматься, писал, меня спрашивал о моих писаньях, советовал. Но все это, мне казалось, он делал уже не по внутреннему стремлению, а по принципу. Одно, природа,— это осталось до конца. Накануне он пошел [...] в свою спальню и упал от слабости на постель у открытого окна, я пришел. Он говорит со слезами в глазах: «Как я наслаждался теперь час целый». Из земли взят и в землю пойдешь. Осталось одно, смутная надежда, что там, в природе, которого частью сделаешься в земле, останется и найдется что-нибудь».* –Тема данного письма относится к области не только практики, но и философии жизни. Наблюдательный пункт в начале повествования перемещен в прошлое: синхронная точка отсчета обуславливает употребление итеративных глагольных форм (НСВ конкретно-процессной ситуации, локализованной во времени). Глаголы СВ конкретно-фактическое значения далее вновь переносят точку наблюдения в настоящее адресанта, относительно которого действие считается выполненным, чтобы в конце фрагмента перейти на уровень обобщения (неполного). Сдвиги в точке отсчета образуют кривую нарратива: длительность переходит в результат, который в свою очередь осмысливается в следующем за ним выводе-обобщении (заключении). Языковые средства определяют следование этому направлению. Ср. на уровне субъекта: конкретный субъект *он*-Н.Н. Толстой – конкретный субъект *я*-Л.Н.Толстой и субъект *ты* вневременно-потенциальной ситуации (глаголы второго лица). Тема смерти предполагает предельное обобщение – вплоть до всего человечества.

Обращаясь к заключению, сделанному исследователем творчества Андре Жида Е.Б. Савельевой, заметим возможность замены начального компонента на авторское литературное письмо: «Автобиографическое произведение – это определенный творческий акт, в котором осуществляется претворение индивидуального опыта через воспоминание о прошлом, передаваемое посредством определённых языковых средств» [28, с. 71].

Таким образом, в результате анализа временных планов и средств их грамматического выражения в пространстве авторского литературного письма и автобиографической повести «Детство» Л.Н. Толстого мы отмечаем схожесть не только нарративных стратегий, но и самой интенциональности

создателя текста. Чувство всеобщности сквозь конкретные образы присутствует в двух разных (не только по жанру, но и функционально-стилевым полям) фактах письма, что доказывает необходимость выделения из всего массива писательского эпистолярия тех писем, которые используют схожие нарративные стратегии.

Выборка, как мы установили, может осуществляться не только по критериям художественности/нехудожественности представляемой информации (эти критерии характеризуются субъективностью и относительностью), но и на основании представленного временного плана и уровня расширения конкретного субъекта действия.

Обобщая все наши наблюдения, выделим общие стратегии нарратива для авторского литературного письма и автобиографической повести Л.Н. Толстого – литературного произведения:

1) авторскому литературному письму так же, как и автобиографической повести, свойственно деление текста на сюжетные и внесюжетные элементы на основании точки отсчета, наличия индивидуального времени действия/состояния. Литературная значимость переписки определяется нами на основании смысловой целостности внесюжетных элементов, связи с общим повествованием и одновременной автономности;

2) преобладание во внесюжетных фрагментах настоящего неактуального времени (расширенного, описательного, постоянного, абстрактного, сценического, исторического) и глаголов НСВ с частными значениями, исключаящими актуально-длительное: наглядно-примерным, потенциальным;

3) впадение в нарратив: использование нарративного настоящего, реже нарративного прошедшего, сопровождающегося перемещением наблюдательного центра в момент действия, что приводит к преобладанию синхронной точки отсчета над ретроспективной;

4) появление значения узуальности и неполной обобщенности ситуации в высказываниях, действие которых помещается в план настоящего неактуального, в результате возникает квалитативность в высказывании, степень ее проявления зависит от уровня обобщения;

5) расширение конкретного субъекта: от определенно-ограниченного класса (преимущественно первое лицо в значении *я как писатель*) до человечества в целом (второе лицо). Широкое использование ситуации качественного своеобразия субъекта.

## ГЛАВА 4. КАТЕГОРИЯ Л/НЛ В АВТОРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПИСЬМЕ

### 4.1 Специфика временной локализованности в авторском литературном письме (общие замечания)

Заявленная нами необходимость разграничения двух типов информации, передаваемой в частном письме (бытовой и эстетизированной), предопределяет направленность практической части настоящего исследования. Существование и доминирование более сложной информации, создаваемой в условиях культурного, по выражению М.М. Бахтина [5, с. 161], общения могут быть доказаны последовательным описанием категории временной нелокализованности, которая отрывает действие от временной оси и приближается к обобщению уровня художественных заключений. Однако прежде всего должна быть выявлена специфика НЛ в эпистолярном тексте, отмечены особенности локализации действия в контексте вторичного дейксиса.

Ожидаемо, что категория Л продуктивна в случае интерпретации информации бытового содержания: первая часть писем представляет собой последовательную локализацию событий в пространстве и времени. Например:

а) *Я, уезжая от вас, забыл вам сказать...*

б) *Живу я пока в кухонном флигеле в 2 комнатах, считая и переднюю, а в доме господствует столпотворение, и поэтому я написал жене, чтобы она вместо 10-го выехала из Москвы 14-го, так как прекрасное помещение во флигеле не будет раньше отделано, а нам в этом флигеле придется прожить едва ли до конца января.*

в) *Я, как более опытный человек, не удивился и не ахнул.*

Представлены следующие разновидности ситуаций Л: а) ситуация строго определенной линейной организованности с конкретно-фактическим частным значением СВ; б) ситуация неопределенной линейной локализованности с нейтральным частным значением НСВ – ситуация неопределенной точечной локализованности с конкретно-фактическим частным значением СВ – ситуация строго определенной точечной организованности с конкретно-фактическим частным значением СВ – ситуация строго определенной линейной организованности с потенциальным значением СВ; в) ситуация слабо определенной точечной локализованности с конкретно-фактическим частным значением СВ. Таким образом, последовательно выражается как единичность действия (ситуации) наряду с конкретностью, так и повторяемость на определенном отрезке времени.

В выражении категории Л участвуют – и это проиллюстрировано примерами – грамматические значения СВ и НСВ. Рамочная структура (временно-пространственные указания написания) заменяет отсутствие прямого контакта, опосредованная коммуникация обеспечивается необходимыми для понимания времени и места ее проведения координатами. Однако жанровая природа, как мы отмечали, такова, что время написания эпистолярного текста и время его прочтения не совпадают в силу экстралингвистических факторов, поэтому особый интерес вызывают следующие примеры: *Из вашего письма я вижу, что вы бодры и весело деятельны», «Помню, в этом письме вы мне пишете очень интересные вещи о моем романе и еще пишете irritabilis poetarum gens.*

Е.В. Падучева отмечает, что в условиях вторичного дейксиса и несовпадения временных планов *сейчас* мыслится как «сейчас, когда я пишу это письмо». Добавим, что эгоцентрик *сейчас* в эпистолярном тексте с позиции адресата в приводимых примерах может восприниматься как «сейчас, когда я читаю это письмо» (допускаем, что то же верно и для адресанта «сейчас, когда вы читаете это письмо»).

Определение временного плана описываемых состояний и действий, как и отнесение их к Л/НЛ, неоднозначно. В ответном письме наблюдаем расширение временных границ обозначаемых явлений: констатация в режиме реального времени, пусть и опосредованно *я бодр и весело деятелен* переходит в более широкое и длительное состояние в ответной реплике. Относительность временного плана характеризует и второй пример: из настоящего актуального действие *я пишу* переносится в настоящее-историческое (речь идет о прошлом) или даже гномическое, т.е. автор письма, подобно писателю, всегда присутствует в тексте и «пишет». Результаты системного анализа подобных употреблений могут стать языковым доказательством присутствия наблюдателя, центра координации, который бы приближался к реальному адресанту, но не совпадал с ним.

Добавим, что употребление перформативов – одна из характерных для эпистолярного текста языковых черт. Перформативность при этом понимается нами шире, чем употребление перволичных форм настоящего времени. В центре находится лингвистическое понятие о перформативности высказывания, текста, дискурса.

Ср.: *...не могу воздержаться от примера», «за стихи Соня, краснея от удовольствия, благодарит вас», «приезжайте к нам с Марией Петровной, которой оба с Соней дружески жмем руку», «прощайте, милый друг, обнимаю вас; и от себя, и от жены прошу передать душевный поклон Марье Петровне», «я адресую в Мценск. – Эти этикетные формулы отвечают законам жанра и общему стремлению преодолеть расстояние и перейти в первич-*

ную непосредственную речевую ситуацию (ср. официально-деловые письма, где список перформативов, приемлемых для адресата и адресанта, значительно уже). Центром поля перформативности являются глаголы НСВ настоящего времени, или общего «настоящего действия».

Письмо, будучи текстом вторичного дейксиса, способно заключать в себе дополнительный нарратив (пересказ). Если история представлена как иллюстративный пример, то в большинстве случаев наблюдается транспозиция временных планов. С помощью настоящего исторического актуализируется события, предшествующие моменту создания нарратива. А.В. Бондарко, цитируя М. Цветаеву, характеризует функциональную и психологическую стороны такого приема так: «Не как сейчас вижу, как тогда вижу» [7, с. 267].

Приведем фрагмент из письма полностью: *Я почти не выхожу на воздух, но потек фэзтон, и я до сих пор мучаюсь остановить течь. Выхожу на балкон и слышу голоса женские, которые сейчас не признал пением, а голосьбой. Схожу к низу, где дорога уже открывается глазам, и вижу огромную толпу, собравшуюся на дороге, и бегущих через мост баб и ребят, чтобы еще увеличить толпу. Так как бабы ничего не делают, а только неподвижно вопят, то я догадался, что что-нибудь случилось, требующее помощи.*

Смена темпоральных и аспектуальных значений вскрывает прием: глагол *догадался* в форме прошедшего времени перемещает весь дополнительный нарратив в предшествующую позицию по отношению к самому эпистолярному тексту.

Для обозначения настоящего исторического времени Е.В. Падучева использует также термин «настоящее нарративное», или «настоящее повествовательное». Присутствие глагольных форм с данным грамматическим значением принадлежит главным образом тексту и «соотносит действие с моментом, фиксированным в тексте, а в интродуктивном употреблении само вводит этот момент» [24, с. 201]. Это значит, что настоящее историческое время не способно самостоятельно относить действие к прошлому. Данное значение возможно благодаря контексту. В контексте, взятом из письма А.А. Фета, осознание отнесенности повествования к прошлому времени происходит на стадии завершения рассказа. В заблуждение вводит как отсутствие эгоцентриков прошедшего, так и ложный эгоцентрик «сейчас».

Аналогичным образом в письме Л.Н. Толстого глаголы прошедшего времени *был, исчезла* встраиваются в дополнительный нарратив настоящего времени: *Что вы говорите о 4-м апреле? Для меня это был soup de grâce... Последнее уважение или робость внутреннего суда над толпой исчезла. Ведь это всенародно, с важностью, при звоне колоколов вся Россия, которая слышна, делает глупости с какой-то радостью и гордостью.* Последнее



предложение не только соотносится с конкретным обстоятельством времени (4-е апреля), но и приобретает оттенок узуальности (в значении *как обычно 4-го апреля...*).

Категория Л/НЛ при этом характеризуется относительно: формально выраженное значение Л осложняется комплексом значений абстрактности и многократности действия/состояния НЛ. Это результат ситуации вторичного дейксиса. Рассматривая нарратив и перформатив как категории философские, С.В. Герасимов, перефразируя Гуссерля, заключает: «Читатель или зритель, находясь в системе описания событий нарратива, отличающихся по месту и времени от времени действительности, существует одновременно в двух реальностях» [12, с 16].

## **4.2 Временная нелокализованность. Ситуация неограниченной повторяемости**

Частные письма, входящие в эпистолярное пространство многолетней переписки Л.Н. Толстого и А.А. Фета и относящиеся нами к жанру авторского литературного письма, содержат все уровни ситуаций НЛ, впервые выделенных И.Н. Смирновым. Дальнейшее членение отрывков эпистолярного текста осуществляется в соответствии с грамматическим выражением НЛ и его семантического наполнения. Учитываются также ситуации вневременности, в которых противопоставление Л/НЛ деактуализируется.

Заметим, что уровни НЛ (от простой повторяемости до вневременности, полного отрыва от временной оси), представленные в тексте, отражают и особенности мышления координативного центра, т.е. субъекта, создающего его. И.Н. Смирнов репрезентирует ступени мышления: 1) отражение, непосредственное восприятие действительности (простая повторяемость); 2) знание о действительности (узуальность); 3) познание действительности (вневременность). [31, с. 77].

Эпистолярные тексты Л.Н. Толстого и А.А. Фета характеризуются усложнением информации и качественным изменением языковых средств ее выражения. Значение Л сменяется значением НЛ по мере перехода от единичного конкретного действия к не единичному и (не) конкретному. Первый этап изменения категории Л/НЛ происходит при описании **ситуаций неограниченной повторяемости**. Заметим, что уровневое описание данной ситуации принадлежит И.Н. Смирнову, развившему тезис А.В. Бондарко о простой повторяемости (см. [29], [31]).

1) **Простая повторяемость** – ситуация повторяющегося действия в рамках конкретной ситуации:

а) *Как началась весна, так я тысячу раз в различных ее фазах читал ваши старые к неизвестным друзьям о весне письма* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от 10...20 мая 1866 г.);

б) *Готовлю и посылаю рукопись и корректуры, и должен так день за день под страхом штрафа и несвоевременного выхода* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от 28 июня 1867 г.);

в) *Вчерашнее письмо Ваше читал и перечитывал со вниманием и заслужил замечание жены* (А.А. Фет Л.Н. Толстому от 18 октября 1880? г.).

Простая повторяемость, не обладая узуальностью и способностью к качественной характеристике адресанта по причине переходного положения в системе Л/НЛ, некоторыми лингвистами рассматривается как ситуация Л, однако представление о точной Л спорно. Ср. наблюдаемую в примерах невозможность установить точный момент, когда адресат «читал и перечитывал» и когда «посылает корректуры» Мы лишь предполагаем, что локализация этих действий связана с определением «вчерашнее» по отношению к письму и общей ситуацией настоящего времени «сейчас», которая описывается в письме.

Как писал о первом уровне НЛ А.В. Бондарко, «простая повторяемость связана с непосредственным наблюдением или с его воспроизведением в памяти», что «в модифицированной форме может быть представлено в художественных произведениях» [7, с. 217]. Очевидно, что в приведенных случаях в эпистолярном тексте рассказывается о событиях прошлого в соответствующем временном плане. Ситуации перцептивности в переписке нечастотны. Конкретность ситуации обусловлена определенностью субъектов (личное местоимение и личные формы глагола обозначают адресанта, повествователя частного письма). В аспектуальном плане категория НЛ организуется НСВ с частным неограниченно-кратным значением.

Приращение дополнительных смыслов к граммеме СВ ‘продолжительность, длительность’ навязывается контекстом. В первом случае неограниченно-кратное значение поддерживается обстоятельством «тысячу раз», в остальных примерах – лексическим значением глаголов *читать, посылать* (в первом случае неограниченная кратность поддерживается однокоренным *перечитываю* – идет модификация действия с указанием на неоднократность действия, а во втором – вторая часть предложения – *и так должен день за днем...*), что, в свою очередь, допускает сочетание с неограниченной кратностью. Примеры служат моделью простой повторяемости в переписке Л.Н. Толстого и А.А. Фета и отражают более высокий уровень абстракции в референции текста к универсуму.

2) **Узуальная повторяемость** – ситуация итеративного, не ограниченного рамками одной ситуации действия:

а) *У вас весной поднимаются поэтические дрожжи, а у меня восприимчивость к поэзии* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от 11 мая 1873 г.);

б) *Я рад очень, что вы любите мою жену, хотя я ее и меньше люблю моего романа, а все-таки, вы знаете — жена. Ходит. Кто такой? Жена* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от 23 января 1865 г.);

в) *Всю зиму наслаждаюсь тем, что лежу, засыпаю, играю в безик, хожу на лыжах, на коньках бегая и больше всего лежу в постеле (больной), и лица драмы или комедии начинают действовать. И очень хорошо представляют* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от 16 февраля 1870 г.);

г) *А ведь я принуждал себя заниматься им двадцать лет, и, право, уже все кости болят* (А.А. Фет А.Л. Бржеской от 17 июля 1879 г.);

д) *Все собираюсь, собираюсь писать вам, любезный друг Афанасий Афанасьич, и откладываю, оттого что хочется много написать* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от середины декабря 1865 г.).

Узуальная повторяемость привносит сему потенциально-качественного значения в характеристику как самого действия, так и субъекта, в нем участвующего. Построение высказывания осуществляется с намерением рассказать не только о реальном действии, но и соотнести данное действие с перспективой его повторения. По мнению Г.А. Золотовой, «это уровень знания – знания того, что наблюдаемое явление – не единичное, а обычное, непрерывно длящееся или многократно повторяющееся в настоящем, прошедшем или будущем» [17, с. 181]. Ср. пример а.

В примере б использована вопросно-ответная конструкция для разыгрывания диалога, который мог бы произойти одновременно с ситуацией канонического общения адресата и адресанта («Ходит. Кто такой? Жена»). В центре узуальной повторяемости – неограниченно-кратное значение НСВ.

Частотны синтаксические конструкции с эллиптизированным глаголом или его отсутствием в схеме. Ср. в письме Л.Н. Толстого к А.А. Фету от 16 мая 1865 г.: *У нас за столом редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти, в саду зелень, молодые наши дамы в кисейных платьях рады, что жарко и тень, а там этот злой черт голод делает уже свое дело, покрывает поля лебедой, разводит трещины по высохнувшей земле и обдирает мозольные пятки мужиков и баб и трескает копыты скотины и всех их проберет и расшевелит, пожалуй, так, что и нам под тенистыми липами в кисейных платьях и с желтым сливочным маслом на расписном блюде – достанется.*

Предикативный компонент безглагольных предложений выражает то же значение неограниченной кратности (еда сейчас на столе, как и каждый день; последствия голода ощущаются в данную минуту и в любой момент, захватывающий его распространение). Данный пример подтверждает мысль

М.Я. Дымарского, который вслед за А.В. Бондарко, допускает существование аспектуальности вне глагола [15, с. 77].

Употребление конструкций, передающих узувальную повторяемость, приближает высказывание к развернутому описанию типичной ситуации. При этом сохраняется конкретность субъекта (лица) в противоположность неопределенности локально-временного комплекса описываемого.

Заметим, что среди примеров, иллюстрирующих выражение НЛ в исследуемых эпистолярных текстах, частотны примеры с информацией более отвлеченной и эстетизированной, чем на этапе простой повторяемости. Появляется метафорическая образность, ироничность, художественная выразительность.

### 4.3 Ситуации обобщенности

Развитие ситуаций НЛ приводит к отсутствию в большей или меньшей степени референции к реальному, действительному миру. Обобщенность, теряя семы реального и развивая значение потенциального, в эпистолярном тексте заключается в выражении квалитативности, или качественности. Нарратив о событиях переходит в нарратив суждений, заключений, одобрения или неодобрения. Генерализация характеризует явление безотносительно момента говорения и коммуникативной ситуации.

Выделяя этапы обобщенности, И.Н. Смирнов, в отличие от А.В. Бондарко, разграничивает ситуации типичности и вневременности, всевременности. Отмечается, что типичность и вневременность являются последним значением, для интерпретации которого используется категория Л/НЛ. Ситуации постоянного действия и обобщенного факта поднимаются над временной прямой и не соотносятся с локализованностью.

1) **ситуация типичного действия** (неполной обобщенности) характеризуется И.Н. Смирновым как «отвлечение от конкретного ряда повторяющихся действий и актуализация семы признака» [29, с. 188]:

а) *Это вы и мы делаем так же стихийно и несвободно, как муравьи копают кочку* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от 7 ноября 1866 г.);

б) *Желаю вам всего лучшего в отношении с этим человеком, но я его презираю* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от 27 мая 1861 г.);

в) *Что вы делаете мыслью, самой пружиной своей Фетовой, которая только одна и была, и есть, и будет на свете? Жива ли эта пружина? Просится ли наружу? Как выражается? И не разучилась ли выразиться? Это главное»* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от 7 ноября 1866 г.);

г) *Да это подвиг, за который кресты дают* (А.А. Фет Л.Н. Толстому от 17 июля <1879 г.>).

Реализация НЛ представлена реляционным (постоянно-качественным) частным значением НСВ. Можно утверждать, что данное грамматическое значение является центральным в аспектуальности НСВ в ситуации характеристики типичного действия. Описание функционирования НСВ часто опускается в силу инвариантности данной формы по отношению к содержанию типичности.

Более детальный анализ требуется для примера *а*, который представляет сложную (контрастную) ситуацию Л/НЛ. Модель «Л+ сопоставляемая НЛ». В плане настоящего времени уподобляются ситуации настоящего актуального и неактуального, конкретный субъект (личное местоимение *мы* без обобщенного значения) и обобщенное *муравьи* (целый класс насекомых). Конкретное состояние (действие) в первой части (*мы делаем стихийно и несвободно*) ставится в один ряд с типичным действием для субъекта класса (*муравьи копают кочку*).

В примерах *б* и *в* посредством глагольных форм реализуется значение качества, постоянного признака, характеристики отношения (*б*) или природы творчества (*в*).

2) **ситуация вневременного действия** (полной обобщенности) – высшая степень генерализации действия/признака, выражение общечеловеческого опыта. По мнению И.Н.Смирнова, вневременность характеризуется «специфической позицией говорящего, который «становится выразителем опыта "людей вообще" (в его представлении)» [29, с. 188]:

*а) Добывайте золото просеиванием* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от 21 февраля 1870 г.);

*б) Все-таки это сознание, что могу, составляет счастье нашего брата* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от 1864 г.);

*в) Сила поэзии лежит в любви — направление этой силы зависит от характера. Без силы любви нет поэзии; ложно направленная сила, — неприятный, слабый характер поэта претит* (Л.Н. Толстой А.А. Фету от июня 1867 г.).

При отличии планов выражения во всех приведенных примерах (предикативные основы с глаголом определенно-личного предложения с обобщенным значением; с глаголом, лексическое значение которого выражает устойчивые состояния; «нет» в безличном предложении) содержание однородно: это результат обобщения мыслительной деятельности автора. Обязательная сочетаемость действия/состояния с генерализацией связана с реляционным частным значением НСВ. Взаимодействие повелительного наклонения с НСВ (пример *а*) обеспечивает фразеологизацию высказывания и влияет на восприятие его как предложения. Количественная характеристика подобных выражений устанавливает зависимость когерентности высказывания от его

распространения. Однако в этом качестве эпистолярный текст представлен редко: выражение ЛН вневременного действия остается в рамках жанра авторского литературного письма и не переходит в жанр пословицы/поговорки/цитатного изречения.

Отношения акспекуальности, темпоральности и Л/НЛ в ситуации полной обобщенности организуются свободно, при этом обязательная генерализация предполагает наличие обобщенного субъекта (субъекта класса). Н.И. Смирнов указывает, что таким образом создается бесконечный ряд совершаемых действий/испытываемых состояний. Кратность вневременного действия, его конкретность и абстрактность при этом функционально не отличаются, но выражают, безусловно, разные языковые значения.

Ср. генерализацию ситуации, выраженной глаголами СВ и НСВ в форме прошедшего, настоящего и будущего времени: *Целую зиму нынешнюю я занят только драмой вообще и, как это всегда случается с людьми, которые до 40 лет никогда не думали о каком-нибудь предмете, не составили себе о нем никакого понятия, вдруг с 40-летней ясностью обратят внимание на новый ненанюханый предмет, им всегда кажется, что они видят в нем много нового.* Выражается детерминированная качественность, происходящая по схеме: люди – люди, *которые до 40 лет никогда не думали о каком-нибудь предмете, не составили себе о нем никакого понятия.*

Оформление высказывания при помощи грамматических форм, выражающих НЛ, приводит к обобщению, заключению в высказывании опыта как всего человечества на всех стадиях его развития, так и отдельной жизни конкретного человека. Богатый примерами культурной символики материал, превалирующий в переписке Л.Н. Толстого и А.А. Фета, создает эстетическую реальность вторичного дейксиса, в котором сосуществуют художественный и эпистолярный дискурсы. Градуирование и концентрация значений НЛ в пространстве авторского литературного письма обуславливают название выдвигаемого нами жанра и позволяют провести границу между частным (бытовым) и собственно литературным письмом.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отталкиваясь от проблемного поля теоретического определения авторского литературного письма как самостоятельного жанрового образования, мы попытались выявить языковые факты, свидетельствующие о качественном отличии анализируемых текстов от дискурса бытовых писем и писем, входящих в писательский эпистолярный в целом. Основываясь на выделенной Н.В. Доминенко дифференциальной черты «дейктических проекций», мы обратились к пространственно-временному континууму эпистолярного текста и к его основным функционально-семантическим полям. В ходе исследования авторское литературное письмо было проанализировано нами с позиции категорий темпорально-аспектуального комплекса русского языка: глагольного вида (СВ/НСВ), категории Л/НЛ, категории времени, дейксиса – а также семантики субъекта и интерпретационно-оценочной квалитативности.

Компаративный анализ автобиографической повести Л.Н. Толстого «Детство» и его авторского литературного письма позволил сделать вывод об общности выражаемых письмами и художественным текстом грамматических значений времени и вида. Установленные по художественному дискурсу частные видовые значения последовательно и в полной мере реализуются в эпистолярной, имея ту же функциональную значимость. Добавим, что сравнение художественного и околохудожественного сочинений позволило определить черты языковой личности Л.Н. Толстого, найти подтверждение использования свойственных ему художественных приемов (например, острашение, специфика авторских отступлений) в пространстве документально-художественного текста – письма.

Была предложена модель описания действия в эпистолярном тексте в соответствии с ФСП временной локализованности/нелокализованности и доказана продуктивность рассмотрения содержания писем через призму Л/НЛ. Была выявлена тенденция к стратификации эпистолярного текста в соответствии с Л/НЛ: информация бытового содержания главным образом интерпретируется с помощью Л, тогда как появление уровня обобщения вызывает действие НЛ. Организованная по градуальному принципу характеристика действия в эпистолярной, несмотря на то что формат исследования не позволяет привести все случаи употребления и реализации категории времени, показала превосходство материала культурной и литературной значимости над собственно бытовым.

Опыт анализа переписки Л.Н. Толстого и А.А. Фета с позиции языковых категорий аспектуально-темпорального комплекса русского языка позволяет нам обобщить все вышесказанное и конкретизировать жанровую до-

минанту «дейктический проекций» (в соответствии с классификацией Н.В. Доминенко). Итак, для авторского литературного письма характерно:

- 1) распадение эпистолярного текста на сюжетные и внесюжетные части; автономность внесюжетных фрагментов;
- 2) преобладание настоящего неактуального времени и его подвидов над настоящим актуальным;
- 3) впадение в нарратив (настоящее/прошедшее изобразительное время); подвижность наблюдательного пункта (позиции адресанта во времени); переключение синхронной и ретроспективных точек отсчета;
- 4) доминирование нелокализованности действия/ситуации над локализованностью; появление в тексте ситуаций узуальности, неполной и полной обобщенности (уровень вневременности);
- 5) расширение субъекта по ходу повествования с сохранением его конкретности.

Отдельного исследования требует соотношение нарративного и речевого режима интерпретаций. Нарративный режим интерпретации, свойственный как художественному тексту, так и эпистолярию, осложняет описание категории аспектуальности и Л/НЛ: темпоральная относительность сочетается с относительностью частных видовых значений.

Отметим преобладание во внесюжетных фрагментах настоящего неактуального времени (расширенного, описательного, постоянного, абстрактного, сценического, исторического) и глаголов НСВ с частными значениями, исключаящими актуально-длительное, но предполагающими наглядно-примерное и потенциальное. Л/НЛ в неканонической ситуации общения переживает несколько трансформаций.

Нами замечено, что письма Л.Н. Толстого характеризуются большей лаконичностью и равновесием информации бытового и небытового характера. На уровне грамматического времени это очевидно по чередованию сюжетных/внесюжетных времен. В то же время авторские литературные письма А.А. Фета вытесняют жанровые характеристики частного бытового письма. В связи с этим может быть поставлен вопрос о поэтическом и прозаическом нарративе в контексте данной переписки.

В дальнейшем на основании полученных данных выделенные жанровые черты авторского литературного письма могут быть апробированы на эпистолярии других писателей. Приемы эпического стиля могут быть соотнесены с идиостилем писателей, выявлены другие компоненты, общие для литературы и эпистолярия. Обнаруженные нами языковые особенности указывают на то, что факт принадлежности адресата к кругу писателей/культурных деятелей необязателен. Заметим, что материал данного ис-



следования представлен в работе избирательно и фрагментарно. Соотношение сюжетных и внесюжетных элементов также требует более глубокого анализа.

На наш взгляд, установленные грамматические значения для выражения схожего содержания в авторском литературном письме и автобиографическом художественном произведении доказывают причастность писем к области литературы и мотивируют название рассматриваемого жанра.

Включенные в собрания сочинений, оформленные в избранные издания, авторские литературные письма функционируют в том же поле, что и художественные произведения. Д. Рубина в статье «Пресс-папье Чехова» так формулирует значимость писем А.П. Чехова, намечая черты жанра: «Эти письма меня воспитали – в самом серьезном смысле этого слова, потому что в них, адресованных самым разным людям, я находила поразительные рассуждения о нравственности, о судопроизводстве, о медицине, литературе, театре и людях...» [27, с. 347]. Найти лингвистические доказательства производимого эффекта было призвано настоящее исследование.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акимова, Т.П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста: на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Т. П. Акимова; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2017.
2. Анянов, В. Избранные письма Льва Толстого об истине, жизни и поведении. 1889-1905. / В. Анянов // Избранные письма Льва Толстого [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: [http://az.lib.ru/t/tolstoj\\_lew\\_nikolaewich/text\\_1910\\_izbrannye\\_pisma.shtml](http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1910_izbrannye_pisma.shtml). – Дата доступа: 12.04.2022.
3. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. / Ю. Д. Апресян // Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Электронный ресурс]. – 1997. – Режим доступа: [https://rusneb.ru/catalog/000199\\_000009\\_006734666\\_135547/](https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006734666_135547/). – Дата доступа: 10.04.2022.
4. Артемьева, Ю.В. Влияние интерференции и референции на перевод / Ю. В. Артемьева // Армия и общество. – 2010. – № 3. – С. 144-148.
5. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / Бахтин М.М. Собр. соч.– М.: Русские словари, 1996. — Т.5: Работы 1940-1960 гг. — С. 159-206.
6. Боброва, Е.Д. Роль теории речевых актов в становлении и развитии лингвистической прагматики / Е. Д. Боброва // Вестник РУДН. – 2012. – № 1. – С. 5–11.
7. Бондарко, А.В. Временная локализованность / А. В.Бондарко // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А. В. Бондарко [и др.]; под ред. А.В. Бондарко [и др.] – СПб., 1987. – Гл. II. – С. 210–234.
8. Бухаркин, П.Е. Письма русских писателей XVIII века и развитие прозы (1740-1780): автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. Е. Бухаркин. – Ленинград, 1982. – 20 с.
9. Вежбицка, А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 99–112.
10. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Москва: Амфора, 2001. – 720 с.
11. Виолина, М.И. Временной дейксис в повествовательном тексте: на материале французского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.05 / Моск. гос. лингвист. ун-т. - Москва, 2002. – 23 с.
12. Герасимов, С.В. Конструирование социальной реальности: нарративы и перформативы / С. В. Герасимов // Человек. Культура. Образование. – 2019. – № 4. – С. 9–22.

13. Делез, Ж. Кино / Ж. Делез. – Москва: Ад Маргинем, 2004. – 624 с.
14. Доминенко, Н.В. Спорные аспекты теории авторского литературного письма / Н. В. Доминенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия. – 2014. – Т. 27, № 1–2. – С. 139–145.
15. Дымарский, М.Я. Аспектуальность как категория высказывания / М. Я. Дымарский // Вестник СПбГУ. – 2015. – № 3. – С. 70–83.
16. Золотова Г.А. Композиция и грамматика / Г. А. Золотова // Язык как творчество: Сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева. – Москва, 1996. – С. 284–296.
17. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. 6-е изд.– М, УРСС. 2010. – 368 с.
18. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса единиц / Г. А. Золотова. – Москва: Наука, 1982. – 368 с.
19. Ковалева, Н.А. Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация, жанр, речевая структура: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01. – М, 2002.– 537 л.
20. Литературный энциклопедический словарь / [под ред.: В. Кожевникова, П. Николаева]. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 752 с.
21. Макогоненко, Г.П. Письма русских писателей XVIII века и литературный процесс. // Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980.
22. Морозова, Л. Писательский эпистолярный в системе литературных жанров: дис. ... канд. филол. наук / Л. Морозова. – К., 2007. – 223 л. – укр.
23. Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в рус. яз. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М.: Шк. Языки рус. культуры, 1996. – 464 с.
24. Падучева, Е.В. Эгоцентрические единицы языка. / Е. В. Падучева. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 440 с.
25. Протопопова, О. В. Эпистолярный жанр / О. В. Протопопова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва: Флинта [и др.], 2003. – С. 627–631.
26. Рёнкя Ристо. Настоящее сценическое (*Praesens scaenicum*) среди функций форм настоящего времени / Рёнкя Ристо// Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2016. – №1. – С. 100–106.
27. Рубина, Д. Пресс-папье Чехова / Д. Рубина. // Крепче веселитесь! / Д. Рубина. – Москва: Эксмо, 2017. – 352 с.
28. Савельева, Е.Б. Персональный дейксис как средство автоинтерпретации внутреннего мира автора-рассказчика в автобиографическом дискурсе (на материале творчества Андре Жида) / Е. Б. Савельева // Статья из

журнала Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер: 3, Лингвистика, – 2014. – №3. – С. 70–75.

29. Смирнов, И.Н. Категория временной локализованности/нелокализованности действия и ее взаимодействие с темпоральностью и аспектуальностью / И. Н. Смирнов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2010. – № №126. – С. 186-192.

30. Смирнов, И.Н. Семантика качественности в ситуациях вневременности (на материале современного русского языка) / И. Н. Смирнов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2010. – №126.– С. 217–224.

31. Смирнов, И.Н. Признак временной локализованности, нелокализованности действия в аспектуальной семантике русского глагола / И. Н. Смирнов // Сибирский филологический журнал. – 2011. №2. – С. 75–83.

32. Смирнов, И.Н. Семантика субъекта, объекта и временная локализованность. / И. Н. Смирнов // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность, неопределенность / А. В. Бондарко [и др.]; под ред. А.В. Бондарко [и др.]. – СПб., 1992. – С. 154–167.

33. Сребрянская, Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте/ Н. А. Сребрянская. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – 255 с.

34. Толстой, Л.Н. Том 18. Избранные письма 1842-1881. В 22 т. Т. 18 / Л. Н. Толстой. – М: Художественная литература, 1984. – 912 с.

35. Устин, А.К. Дейктическая концепция текста, мышления и культуры: специальность: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. К. Устин. – Пятигорск, 1998. – 364 с.

36. Ушникова, Э.А., Ушникова, О.В. Особенности функционирования категории времени в нарративе / Э. А. Ушникова, О. В. Ушникова // Вестник ЗабГУ. Филологические науки. – 2010. – №4. – С. 59–63

37. Фесенко, О.П. Эпистолярный жанр, стиль, дискурс / О. П. Фесенко // Вестник ЧелГУ. – 2008. – № 23. – С. 132–143.

38. Фет А. А. Сочинения: В 2 т. / Вступит, статья, подгот. текста, сост., коммент. А. Е. Тархова. М.: Художественная литература, 1982.

39. Шкловский, В. Б. О теории прозы / В. Б. Шкловский. – М.: Советский писатель, 1983. – 384 с.

40. Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи: сборник науч. ст.; под ред. В. Е. Гольдина. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – Саратов, 1997. – С. 88–99.

41. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.